

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

ГОГОЛЬ В
ЖИЗНИ

Русская классика (АСТ)

Викентий Вересаев

Гоголь в жизни

«Public Domain»

1932

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Вересаев В. В.

Гоголь в жизни / В. В. Вересаев — «Public Domain»,
1932 — (Русская классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-982457-2

«Гоголь в жизни» – одна из тех великолепно написанных документальных книг, которые читаются увлекательнее любого романа. Собрав и систематизировав подлинные свидетельства современников о Гоголе, а также письма и записи самого писателя, Вересаев блестяще сложил их в замечательное единое произведение, которое критик и крупнейший отечественный специалист по Гоголю Игорь Золотусский блестяще назвал «переливающимся живыми красками портретом «странного» гения».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-17-982457-2

© Вересаев В. В., 1932
© Public Domain, 1932

Содержание

Предисловие	6
I	11
II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Викентий Викентьевич Вересаев

Гоголь в жизни

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Предисловие

Книга эта составлена по тому же плану, как книга моя «Пушкин в жизни». Она представляет систематический и возможно полный свод свидетельств самого Гоголя и его современников о Гоголе, каким он был в жизни, – об его поступках, настроениях, переживаниях, высказываниях, характере, привычках, радостях, невзгодах, наружности, одежде, об его окружении, – обо всем, равно и крупном и мелком, что рисует человека, каким он был в действительности. Это, конечно, не его биография, это просто сборник материалов, подобранных возможно объективно.

Материал этот – весьма различной ценности. Доверия заслуживают воспоминания друзей юности Гоголя: А. С. Данилевского, К. М. Базили, Г. И. Высоцкого, Н. Я. Прокоповича, в меньшей мере – Т. Г. Пашенка; подробные и чрезвычайно добросовестные воспоминания С. Т. Аксакова, П. В. Анненкова, д-ра Тарасенкова; отрывочные воспоминания М. П. Погодина, подлинные записи А. О. Смирновой (не «Записки» ее, когда-то изданные «Северным Вестником»; это – бесцеремонная фальсификация, сочиненная дочерью ее, О. Н. Смирновой). Много ценного материала, переданного со слов современников, находим в книгах: Кулиша – «Записки о жизни Гоголя» и Шенрока – «Материалы для биографии Гоголя». Мало доверия внушают воспоминания матери Гоголя, Марьи Ивановны, – сентиментальной фантазерки, обожавшей гениального своего сына сверх всякой меры. Односторонне враждебны и полны фактических неточностей воспоминания школьного товарища Гоголя В. И. Любича-Романовича. По обыкновению путает и многое привирает гр. В. А. Соллогуб. Источником очень ненадежным, которым можно пользоваться лишь с величайшею осторожностью, являются письма самого Гоголя. Просто невероятно, до чего он все время фальшивит в письмах, какие неверные сообщает о себе сведения; часто совершенно даже невозможно понять, для чего это он, – никакой, по видимому, нет причины, только непреодолимая склонность к мистификациям и тончайшей дипломатии. Самую малую ценность имеют, конечно, записи со слов различных «старожилов».

В подборе материала я старался быть возможно менее строгим и отбрасывал сообщения явно фантастические – вроде рассказа И. Л. Щеглова, якобы со слов Третья Филиппова, о первой встрече Гоголя с о. Матвеем (*Новое Время*, 1901, № 9260). Повторю то, что я писал в предисловии к книге о Пушкине: «Многие сведения, приводимые в книге, конечно, недостоверны и носят все признаки слухов, сплетен, легенды. Но ведь живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни – он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня свой дым. О Диккенсе будут рассказывать не то, что о Бодлере, и пушкинская легенда будет сильно разниться от толстовской».

Сообщения сомнительные отмечены впереди текста звездочкой. Разумеется, это еще не значит, что остальные сообщения вполне достоверны. Полная критическая проверка всех сообщаемых фактов была бы работой, далеко выходящей за пределы задачи, преследуемой этой книгой.

* * *

Гоголь родился в глухой помещичьей усадьбе Полтавщины. У его родителей было около двухсот «душ» крепостных крестьян и более тысячи десятин земли. Сам Гоголь, однако, помещиком не был. Как только ему удалось стать на ноги, он начал жить самостоятельным трудом – сначала служил, потом существовал литературной работой. От своей части имения он отказался в пользу матери и сестер, не только не получал оттуда никаких доходов, но сам – правда,

редко и мало – помогал матери, хозяйничавшей очень неумело. Так что по собственному своему социальному положению Гоголь скорее принадлежал, подобно Белинскому, к сословию разночинцев со всеми сопутствующими особенностями: необходимостью зарабатывать пропитание личным трудом, непрочностью заработка, всегдашней необеспеченностью.

Однако всю свою идеологию Гоголь целиком впитал из недр старосветской помещичьей жизни. И что замечательно: через жизнь свою, полную самого напряженного художественного искания и творчества, эту идеологию свою он пронес в совершенно нетронutom виде, совсем в таком виде, в каком получил ее в раннем детстве. В вопросах общественности, морали, религии великий автор «Ревизора» и «Мертвых душ» до конца жизни стоял совершенно на том же уровне, на котором стояла его наивная и глуповатая мать-помещица. В этих областях оба они говорили на одном языке.

Одна барышня вышла замуж, другой это не удалось. Гоголь искреннейшим образом убежден, что марьяжными делами барышень заведует сам господь бог, что это он уж так заранее определил: одной девице быть замужем, другой нет. «Это устроил бог для нее. Нужно было выйти замуж, она и вышла: так же, как для другой – то, чтобы она не выходила замуж, и она не выходит». Ехал Гоголь по Рейну – пароход ударился об арку моста и сломал колесо: Гоголю пришлось остаться на день в Страсбурге. Авария эта, по его серьезнейшему мнению, случилась для того, чтобы побудить его написать из Страсбурга письмо графине Виельгорской. Конечно, урожай и неурожай – от бога, здоровье – от него же. Он даже бодрствует над геморроем Гоголя, определяет, когда послать рабу своему запор, когда, по милости своей, дать разрешение запору.

Мужику, уж конечно, тем же богом предписано работать на своего барина. В 1846 г., в письме к сестре, Гоголь настаивает, чтоб она ездила на полевые работы и следила за мужиками. «Ленивому ты должна говорить, что он может наработать больше, стало быть, грех ему так не делать, что ты ему потому приказываешь и велишь, что бог приказал трудиться усердно. Он сказал: «в поте лица трудитесь!», стало быть, это грех, и с помещика за то взыщется. Расскажи также мужикам, чтобы они слушали приказчика и умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их, потому что нет власти, которая была бы не от бога. Словом, так говори с ними, чтоб они видели, что, исполняя дело помещичье, они с тем вместе исполняют и божие дело». Через несколько лет он в письме к сестрам опять настаивает, чтоб они ездили в поле следить за работою мужиков: «Бедные крестьяне в поте лица работают на нас, а мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труд рук их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас бог, насылая на нас голод, невзгоды и всякие болезни, лишая даже и скудных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда приведут себя в состояние белоручек. Все тогда, весь мир идет на выворот, и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного». Я не знаю, можно ли найти во всемирной литературе более наивно-откровенное исповедание барско-помещичьего бога.

И не только так писал Гоголь. Он и в жизни проявлялся типичнейшим баринoм-помещикoм. В 1832 г. он приехал из Петербурга к себе в Васильевку, чтоб везти в Петербург двух малолетних своих сестер для определения в институт. Возник трудный вопрос: как обходиться девочкам в дороге без горничной? Где поместить горничную в Петербурге? Хорошо было бы, если бы человек Гоголя Яким был женат. И тут же Гоголь с матерью порешили: за три дня до отъезда женили Якима на Матрене, горничной сестер. «Таким образом, – рассказывает одна из сестер Гоголя, – совершенно неожиданно для себя и для всех Яким отправился в Петербург с женою, а барышни – с горничною; а Мария Ивановна (мать Гоголя) была очень довольна, что все так устроилось по-семейному».

К политике и ко всякой общественности Гоголь был глубоко равнодушен. Тогдашний Париж с его кипящею общественною жизнью вызывал в Гоголе отвращение. Он отдыхал душою в Италии, наслаждался кладбищенскою тишиною Рима и Неаполя, скованных чудовищным деспотизмом папы Григория XVI и неаполитанского короля Фердинанда-Бомбы; не видел

ужасающего угнетения народа. Если он и чувствовал нарастание во всей Европе предгрозового революционного электричества, то видел в этом только язву, которая разъедает ничем не довольную Европу.

Все это жизнеотношение Гоголя стояло в резком противоречии с его сатирическим, глубоко отрицательским талантом. Революционная часть общества и молодежь восторженно приветствовали Гоголя за сокрушительные удары по существующему строю, но сам он тяготел к самым реакционным кругам общества, не исключая из круга своих симпатий даже таких изуверов-мракобесов, как Стурдза, Вигель, Бурачок, с благоговейным обожанием относясь к ненавидимому всеми императору Николаю. Самую большую болью Гоголя было то, что в его обличениях читатель не хотел видеть высмеивание «частных случаев», а воспринимал их как подрывную работу, направленную на самый строй, создавший возможность подобных «случаев». И вот в последующих томах «Мертвых душ» Гоголь ставит себе целью дать «положительные образы» русских людей – выставить их в «ярко-живых, говорящих примерах, способных подействовать силою», как пишет он в своем обращении к шефу жандармов, графу Орлову. Этими показательными образцами примерной жизни должны были явиться у Гоголя: ловкий приобретатель, помещик Костанжогло, добродетельный винный откупщик, миллионер Муразов, благородный генерал-губернатор, благочестивый священник и, наконец, – сам царь Николай, милосердием своим возрождающий к новой жизни раскаявшегося Чичикова.

Гоголь работал над второю частью «Мертвых душ» упорно, мученически. Писал, ожидал надежду, падал духом, уничтожал написанное, с новой энергией и верой принимался за работу. Все последние десять лет жизни он работал только над этим трудом, только им одним и жил. В нем он видел высочайшее свое призвание, великий долг, не исполнив которого не считал возможным умереть. И ничего не получалось. И перед смертью он в отчаянии бросил в огонь, по-видимому, совсем уже готовый к печати второй том.

Психиатры, писавшие о Гоголе, усматривают в дошедших черновиках второго тома такое явное ослабление творчества, что без всяких колебаний объясняют это ослабление болезнью Гоголя. Бесспорно, последние пятнадцать лет своей жизни Гоголь был глубоко болен, работал трудно. Однако в тех частях второго тома, где звучит прежний издевательский гоголевский смех, и образы его обладают совершенно прежнею силою. Генерал Бетрищев, Петр Петрович Петух, Кашкаров достойны стать рядом с самыми яркими образами первого тома; несравненный Чичиков во втором томе нисколько не потускнел и наново пленяет нас своею ловкостью почти военного человека и фраком наваринского дыма с пламенем. Горестное снижение творчества мы замечаем только там, где Гоголь начинает рисовать показательных «хороших людей». Мог ли бы он облечь их в плоть и кровь, мог ли бы заставить засветиться героическим светом, если бы даже был здоров, если бы способен был гореть молодым вдохновением, каким горел в лучшую пору творчества? Конечно, не мог.

У нас нет оснований сомневаться в субъективной искренности Гоголя. Художественное воплощение своих смехотворно убогих идеалов Гоголь считал великим своим «душевным делом», священным подвигом, который на него возложил сам господь бог. Но тем хуже для Гоголя. Объективно он целиком старался работать на пользу дворянско-чиновничьего сословия и опиравшегося на него царского самодержавия, для них он старался обломить острие у самого сокрушительного своего оружия – смеха, для них пытался неистовые свои насмешки и издевательства сменить на гимны и акафисты. Это ему не удалось. И в этом была его казнь. Над этою ношею обломал себе крылья его благородный гений и, вместо взлета ввысь, в беспомощных судорогах пополз по земле. Гоголь это видел, но причины не понимал и бросил в огонь опостылевший труд, над которым подвижнически работал долгие годы.

Конечно, Гоголь был тяжело болен. Конечно, в последние годы работал трудно. Но обессилело его творчество не потому, что он уже не в состоянии был рисовать Собакевичей, городничих и купцов Абдулиных, а потому, что Собакевича он пытался перерядить в Костанжогло,

городничего – в благородного генерал-губернатора, Абдулина – в непроходимо добродетельного винного откупщика Муразова. Этого не смог бы сделать и гений из гениев в самом буйном расцвете творчества.

* * *

Источники, на которые приходится ссылаться часто, привожу в сокращенном написании. Вот их полные заглавия:

- Аксаков С. Т. История знакомства. – «История моего знакомства с Гоголем». Рус. Арх., 1890, том II, особ. приложение.
- Анненков П. В. – Литературные воспоминания. СПб. 1909.
- Барсуков Н. П. – Жизнь и труды М. П. Погодина. 22 части. СМб., 1888–1910.
- Боткин М. П. – А. А. Иванов, его жизнь и переписка. СПб., 1880.
- Гербель Н. В. – Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко (ред. Гербеля). Изд. 2-е. СПб., 1881.
- Гоголевский сборник. Киев, 1902.
- Гоголь-Головня О. В. – Из семейной хроники Гоголей. Мемуары. Изд. газ. «Киевская Мысль». Киев, 1909.
- Из прошлого Одессы. Сборник, составленный Л. М. де-Рибасом. Одесса, 1894.
- Ист. Вестн. – журнал «Исторический Вестник», под ред. С. Н. Шубинского.
- Иордан Ф. И. – Записки. М., 1918.
- Кирпичников А. И. Хронологическая канва. – Опыт хронологической канвы к биографии Н. В. Гоголя. М., 1902. В полном собрании сочинений Гоголя, изд. И. Д. Сытиным.
- Кулиш П. А. – Николай М. (П. А. Кулиш). Записки о жизни Н. В. Гоголя. Два тома. СПб., 1856.
- Никитенко А. В. – Записки и дневник. Изд. 2-е. СПб., 1905.
- Ост. арх. – Остафьевский архив кн. Вяземских. Изд. гр. С. Д. Шереметева. СПб., 1899 и сл.
- Панаев И. И. – Литературные воспоминания. Полн. собр. соч., том шестой. СПб., 1888.
- Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Три тома. СПб., 1896.
- Письма. – Письма Н. В. Гоголя. Редакция В. И. Шенрока. Четыре тома. СПб. Изд. А. Ф. Маркса.
- Рус. Арх. – журнал «Русский Архив», под ред. П. И. Бартенева.
- Рус. Стар. – журнал «Русская старина», под ред. М. И. Семецкого.
- Смирнова А. О. – Автобиография. Ред. Л. В. Крестовой. Изд-во «Мир». М., 1931.
- Смирнова А. О. Записки. – Записки, дневник, воспоминания, письма. Изд-во «Федерация». М., 1929.
- Соллогуб В. А. гр. – Воспоминания. СПб. Изд. Суворина. 1887.
- Тарасенков А. Т., д-р. – Последние дни жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1857.
- Шенрок В. И. Материалы. – Материалы для биографии Гоголя. Четыре тома. М., 1892–1897.

Подстрочные примечания не подписанные принадлежат составителю. Ему же в тексте принадлежат заключенные в скобки слова и фразы, набранные курсивом, – объясняющие или исправляющие текст. Цитаты из источников, писанных на иностранных языках, приводятся в русском переводе. В скобках отмечается, что подлинник писан на таком-то иностранном языке (польск., франц.). Цитаты из писем помечаются просто именами автора письма или адресата, напр.: «Гоголь – В. А. Жуковскому, 2 дек. 1843 г.». Это значит: Гоголь в письме к Жуковскому.

Цитаты из сочинений Гоголя приводятся без ссылок на определенное издание его сочинений. По заглавию и указанной главе всякий легко найдет цитату в любом имеющемся у него под руками издании Гоголя.

В. ВЕРЕСАЕВ

Москва. Апрель 1932 г.

I

Предки Гоголя

Гоголи-Яновские

1. *Евстафий (Остап) Гоголь*, полковник Подольский, а потом Могилевский, 1658–1674. Умер в 1679 г.
 2. *Прокофий*, польский шляхтич.
 3. *Ян*, польский шляхтич.
 4. *Демьян*, священник села Кононовки.
 5. *Афанасий*, род. в 1738 г., секунд-майор. Жена его – Татьяна Семеновна Лизогуб.
 6. *Василий* (отец писателя), коллежский ассессор, умер в 1825 г. Жена его Марья Ивановна Косярская.
- А. М. Лазаревский. Очерки малороссийских фамилий. Рус. Арх., 1875, I, 451.

Об Остапе Гоголе говорится в летописях при описании битвы на Дрижиполе (1655). Он один из полковников остался до конца верен гетману Петру Дорошенку, после которого еще несколько времени отстаивал подвластную себе часть Украины... Он ездил в Турцию послом от Дорошенка в то время, когда уже все другие полковники вооружились против Дорошенка и когда Дорошенко колебался между двумя мыслями: сесть ли ему на бочку порошу и взлететь на воздух, или отказаться от гетманства. Может быть, только Остап Гоголь и поддерживал так долго его безрассудное упорство, потому что, оставшись после Дорошенка один на опустелом правом берегу Днепра, он не склонился, как другие, на убеждения Самойловича, а пошел служить, с горстью преданных ему казаков, воинственному Яну Собескому и, разгромив с ним под Веною турок, принял от него опасный титул гетмана, который не под силу пришлось носить самому Дорошенку. Какая смерть постигла этого, как по всему видно, энергического человека, летописи молчат. Его боевая фигура, можно сказать, только выглянула из мрака, стусившегося над украинскою стариною, осветилась на мгновение кровавым пламенем войны и утонула снова в темноте.

П. А. Кулиш, I, 2.

В 1674 г. Остап Гоголь получил от польского короля Яна-Казимира грамоту на село Ольховец, в которой объясняется и служба Гоголя: «За приверженность к нам и к Речи Посполитой благородного Гоголя, нашего могилевского полковника, которую он проявил в нынешнее время, перешедши на нашу сторону, присягнув нам в послушании и передавший Речи Посполитой могилевскую крепость, поощряя его на услуги, жалует нашу деревню, именуемую Ольховец, как ему самому, так и теперешней супруге его; по смерти же их сын их, благородный Прокоп Гоголь, также будет пользоваться пожизненным правом». Праправнук Евстафия Гоголя, Афанасий, о предках своих в 1788 г. показал: «Предки мои фамилией Гоголи, польской нации; прапрадед Андрей (?) Гоголь был полковником могилевским, прадед Прокоп и дед Ян Гоголи были польские шляхтичи; из них дед по умертвии отца его Прокопа, оставя в Польше свои имения, вышел в российскую сторону и, оселясь уезда Лубенского в селе Кононовке, считался шляхтичем; отец мой Демьян, достигши училищ киевской академии (где и название по отцу его, Яну, принял Яновского), принял сан священнический и рукоположен до прихода в том же селе Кононовке».

А. М. Лазаревский. Очерки малороссийских фамилий. Рус. Арх., 1875, I, 451.

Странно, что в этом документе полковник Гоголь назван Андреем и получает в 1674 г. привилегию на владение деревнею Ольховец от польского короля Яна-Казимира, который за шесть лет перед тем отрекся от престола. До сих пор ни в одном известном документе не встретилось не только полковника Андрея Гоголя, но и никакого другого полковника, кроме Остапа.

П. А. Кулиш, I, 3.

Афанасий Гоголь о своем деде сообщает сведения неточные. Он называет Яна сыном Прокофия и, называя Яна шляхтичем, не говорит о том, что этот дед его был таким же священником села Кононовки, как и отец. (На священство последнего Афанасий Гоголь точно указывает в своем доказательстве.) Юридические акты свидетельствуют, что Ян Гоголь по отцу назывался не Прокофьевичем, а Яковлевичем и что он же, Ян, в 1697 г. был викарием лубенской Троицкой церкви, а в 1723 г. – священником села Кононовки. Можно думать, что Афанасий Гоголь умышленно скрыл священничество своего деда Ивана, потому что не любила перерождавшаяся в дворянство казацкая старшина связывать свое происхождение с лицами духовного и посполитого (крестьянского) состояния. Поэтому священники превращались в «польских шляхтичей», а какие-нибудь бургомистры – в сотников. Это обычное явление в старинных родословиях.

А. М. Лазаревский. Сведения о предках Гоголя. Чтения в Историч. общ-ве Нестора-Летописца, кн. XVI, вып. I–III. Киев. 1902. Стр. 9—10.

Нам удалось добыть дневник одного из старейших священников Миргородского уезда, о. Владимира Яновского, который приходится троюродным братом Гоголю. Из дневника этого видно, что род Гоголь-Яновских ведет свое начало от Ивана Яковлевича (фамилии в документах нет), выходца из Польши, который в 1695 г. был назначен к Троицкой церкви г. Лубен «викарным» священником; вскоре он был переведен во вновь устроенную Успенскую церковь с. Кононовки того же уезда... Продолжателями рода и преемниками духовной власти Ивана Яковлевича были: сын его Дамиан Иоаннов Яновский (можно думать, что фамилия – от имени отца Ивана, по-польски Яна), также священник кононовской Успенской церкви; далее родословная Яновских идет по двум параллельным линиям: 1) Сын о. Дамиана Афанасий Дамианович – уже Гоголь-Яновский, – «пример-майор», как сказано в семейной летописи; сын его Василий и внук Николай, писатель. 2) Кирилл Дамианович священник кононовской церкви; его дети: Меркурий и Савва, оба священники: первый – в Кононовке, второй – в Олефировке, Миргородского уезда.

Священник Ал. Петровский. К вопросу о предках Гоголя. Полтавские Губернские Ведомости, 1902, № 36.

Афанасий Демьянович (дед писателя) прошел через семинарию и завершил свое образование в Киевской духовной академии. Сохранились воспоминания, указывающие на то, что Афанасий Гоголь получил в академии настолько основательное для своего времени образование, что считался знатоком языков, особенно латинского и немецкого, которые преподавал детям своих деревенских соседей. О самой женитьбе его рассказывают анекдот, что он похитил из родительского дома любимую свою ученицу Татьяну Семеновну Лизогуб, дочь бунчукового товарища Семена Лизогуба, по матери из фамилии Танских. Он предварительно объяснился ей в любви, скрыв записку в скорлупе грецкого ореха, и, удостоверившись во взаимности, обвенчался с нею без ведома родителей.

В. И. Шенрок. Материалы, I, 30, 38.

Бабушка (жена Аф. Дем. Гоголя) была из богатого дома. У них был учитель, который учил ее братьев и ее. Рассказывали, как она собрала свои золотые и серебряные и прочие вещи,

ушла из родительского дома, где-то повенчалась; за это родители рассердились: ничего ей не дали, и где они жили и как, не спрашивали. Потом братья ее подарили ей Васильевку, и тут она жила до смерти. За бабушку говорили, как она великолепно рисовала.

О. В. Гоголь-Головня (сестра писателя), 36.

Необычным фактом была женитьба «поповича» Афанасия Гоголя на дочери бунчукового товарища Сем. Сем. Лизогуба, человека, принадлежавшего к «высшему» местному обществу. Лизогуб был, во-первых, родной внук гетмана Скоропадского, получивший богатые дедовские маестности, а во-вторых, это был зять переяславского полковника Василия Танского... За женой Афанасий Гоголь в «посаг» получил несколько десятков крестьянских дворов (из материнского имения) в селе Келеберде и Купчине (впоследствии Васильевке, имении родителей писателя), в которых, по ведомости 1782 г., считалось 268 крестьян, мужчин и женщин.

А. М. Лазаревский. Чтения в Историч. общ-ве Нестора, кн. XVI, вып. I–III, 11.

Из послужного списка Афанасия Демьяновича Гоголя видно, что он родился в 1738 г., а уже в 1757 г. вступил на службу, сперва в полковую миргородскую, а в следующем же году в войсковую канцелярию; за добросовестное исполнение своих обязанностей был представлен в войсковые хорунжие... За долговременную беспорочную службу удостоился награждения чином бунчукового товарища в 1781 г., августа 7 дня. Там же против графы: «грамоте читать и писать умеет ли?» сказано: «грамоте читать и писать по-русски, по-латыни, польски, немецки и гречески умеет». Впоследствии он был назначен полковым писарем и переименован в секунд-майоры, в каком чине находился до конца дней своих.

К. А. Чаговец. Семейная хроника Гоголей. (По бумагам семейного архива.) Чтения в Историч. общ-ве Нестора, кн. XVI, вып. I–III, 27.

Малорусский пан (в XVIII столетии) не имел еще государственного признания своих прав. Между тем только дворянское достоинство давало санкцию обладанию землею, а главное – обязательным трудом. Малорусское панство кинулось на отыскивание побочных тропинок и лазеек, какими бы можно было пробраться в дворянство. Каждому надо было для себя доказать, что он «не здешней простонародной малороссийской», а какой-нибудь особенной шляхетской породы. Сподручнее и легче всего было доказывать свое непростонародное происхождение через посредство Польши: престиж шляхетства всегда окружал все польское. И вот какой-нибудь самый обыкновенный козацкий сын Василенко (по Василию отцу), выдвинувшись на маленький уряд, начинает подписываться на польский манер Базилевским, Силенко – Силевичем, Гребенка – Грабянкою и т. д. С течением времени все эти самозванные Базилевские и Силевичи успевали уверить и других, а может быть, и себя в своем польско-шляхетском происхождении. Оставалось это утвердить документом. С деньгами и это было делом нетрудным. На этот случай были под рукой дельцы, которые охотно брались за фабрикацию необходимых документов. Вероятно, это стоило не особенно дорого, так как во времена возникновения комиссии о разборе дворянских прав в Малороссии оказалось до 10 000 дворян с документами, между тем как лет 15–20 перед тем малороссийское панство заявило, что у него документов нет, так как они растеряны через бывшие в Малороссии междоусобные брани и многочисленные войны.

А. Я. Ефименко. Малорусское дворянство и его судьба. Вестник Европы, 1891, авг., 555.

Рассмотрев предъявленные от Гоголя-Яновского о дворянском его достоинстве доказательства, признали оные согласными с предписанными на то правилами, вследствие коих он и род внесен в дворянскую родословную Киевской губернии книгу, в первую ее часть. Октября 15 числа 1772 г.

Дворянская грамота А. Д. Гоголя. Чтения в Историч. общ-ве Нестора, кн. XVI. вып. I–III, 42.

[В свете вышеприведенных фактов вопрос о происхождении Гоголя с отцовской стороны вырисовывается перед нами в таком виде: какой-то могилевский полковник Гоголь, – не Остап, а никому не ведомый Андрей, получил поместье от польского короля Яна-Казимира, уже за шесть лет перед тем отрекшегося от престола; в двух очень близких к этому Андрею Гоголю поколениях потомство его представлено священниками, что немножко странно для дворян; никакой фамилии у потомков этого могилевского полковника Гоголя в документах не значится; только дети Яна от имени отца получают фамилию «Яновские»; брат Афанасия Кирилл со всем своим священническим потомством остается почему-то только с этой фамилией, без прибавки «Гоголь»; Гоголь-Яновским оказывается один Афанасий со своим потомством. На основании этого можно думать, что по отцу Гоголь-писатель вовсе не происходил от старинного украинского панства, а был происхождения духовного, дворянство же впервые получил его дед Афанасий Демьянович, сделавший себе карьеру женитьбою на дочери бунчуковского товарища Лизогуба. Он, возможно, слышал о некоем могилевском полковнике Гоголе, но даже не знал его имени; предъявил наскоро сфабрикованный документ о своем якобы происхождении от могилевского полковника Гоголя, получил дворянство и прибавку «Гоголь» к своей настоящей фамилии «Яновский».]

Мать Татьяны Семеновны Гоголь (жены Аф. Дем-ча), урожденная Танская, отличалась тяжелым, своевольным и вздорным характером. Отец ее писал ей: «Ты росла при матери в горе, як при мачехе».

Всеволод Чаговец. О. В. Гоголь-Головня, 96.

Татьяна Семеновна обладала замечательною способностью к живописи и рисовала небольшие картины из деревенской природы и жизни. В Яновщине долгое время хранились две картинки, написанные Татьяной Семеновной: фрукты и разрезанная дыня... Она страшно боялась лошадей; поэтому, когда ей приходилось куда-нибудь ехать, что, впрочем, случалось очень редко, то в карету запрягали пару волов и в таком виде ездили в город или к знакомым, нисколько не смущаясь тем любопытством, какое вызывала у всех такая оригинальная запряжка.

В. А. Чаговец. Семейная хроника Гоголей. Чтен. в Историч. общ-ве Нестора, кн. XVI, вып. I–III, 28–29.

Что касается до предков Гоголя по женской линии, то полковник переяславский Василий Танский происходил из известной польской фамилии этого имени и оставил Польшу в то время, когда Петр Великий вооружился против претендента на польский престол, Лещинского. Он усердно служил Петру в шведской войне и занимал всегда одно из самых видных мест между малороссийскою старшиною. Прадед поэта, Семен Лизогуб, происходил от генерального обозного Якова Лизогуба, известного тоже в царствование Петра Великого и его преемников. Таким образом Гоголь, по своей родословной, принадлежал к высшему сословию в Малороссии и в числе своих предков мог считать несколько личностей, хорошо памятных истории.

П. А. Кулиш, I, 3.

Гоголь по женской линии имел предками своими Танских, из которых один, в сороковых годах XVIII века, известен был, «как славный поэт», – писатель интерлюдий в простонародном украинском духе.

Н. И. Петров. Очерки истории украинской литературы XIX стол. Киев, 1884, 77.

У дедушки и бабушки долго не было детей; на четырнадцатом году родился мой отец; единственное было дитя.

О. В. Гоголь-Головня, 36.

Василий Афанасьевич (род. 1777, скончался 1825) и супруга его Мария Ивановна (род. 1791, сконч. 1868) Гоголь. Мир праху вашему!

Надгробная плита на могиле родителей Гоголя в Яновщине. Фотографический снимок. О. В. Гоголь-Головня, 40.

Василий Афанасьевич учился в полтавской семинарии. В Полтаве был он на попечении некоего Стефана Гординского, по всей вероятности, учителя семинарии. Дошло несколько писем Гординского к отцу Василия Афанасьевича... 2 марта 1795 г. он сообщал Афанасию Демьяновичу: «Васюта, слава богу, по силе своих сил и дарований в учении своем преуспевает, я его понуждаю к учению, соображаясь всегда силам его телесным, которые усматриваются невелики».

П. Е. Щеголев. Отец Гоголя. Ист. Вестн., 1902, февр., 658.

В 1797 г. Аф. Дем. думал, по старинному дворянскому обычаю, записать своего сына Василия в гвардию с тем, чтобы он выслуживал чины и жил дома, но получил уведомление, что теперь пошли новые порядки, и приобретать чины таким образом нельзя. Думали послать Василия Афанасьевича в Московский университет, хлопотали через Д. П. Трощинского, но и это не удалось. Пришлось избрать гражданскую службу в малороссийском почтамте.

В. А. Чаговец. Семейная хроника Гоголей. Чт. в Историч. общ-ве Нестора, кн. XVI, вып. I–III, 29–30.

Василий Афанасьевич «находился при малороссийском почтамте по делам сверх комплекта». В 1798 г. он был произведен из губернских секретарей в титулярные советники. Служба была номинальной, и Василий Афанасьевич не был даже внесен в списки почтамта и должен был ходатайствовать перед Д. П. Трощинским (*сановный родственник*), который был в это время директором почт, о выдаче ему аттестата по службе. «За приключившимися мне тягостными и продолжительными припадками, – изъяснялся он в своем прошении, – проживал я в доме для пользования себя и в списки почтамта остался не вписанным». В 1805 г. Василий Афанасьевич вышел в отставку с чином коллежского асессора, и с этого времени он жил в деревне. Только когда Трощинский приехал на жительство в свое имение и был выбран в поветовые маршалы или предводители, Василий Афанасьевич стал служить при нем в роли секретаря маршала (в 1806 г.). В 1812 г. Вас. Аф-вич принимал участие в заботах о всеобщем земском ополчении и, по предписанию Трощинского, как дворянин, известный честностью, заведовал собранными для ополчения суммами. Некоторое время он исправлял даже должность маршала.

П. Е. Щеголев. (По семейным бумагам Гоголей.) Ист. Вестн., 1902, февр., 660.

Скудные сведения, которые нам удалось собрать об отце Гоголя, сводятся, главным образом, к тому, что это был человек, выросший и проведший всю жизнь в скромной деревенской обстановке, преданный всей душой семье и родным и не чуждый мечтательного романтизма. По выходе в отставку до самой женитьбы он должен был помогать родителям в их хозяйственных заботах и большую часть времени употреблял на исполнение разных мелких поручений. Он играл в доме второстепенную роль паньча, которою совершенно удовлетворялся. Самым знаменательным событием в жизни Василия Афанасьевича была, конечно, его женитьба на

Марии Ивановне Косяровской... С нею Василий Афанасьевич был знаком еще в детстве; как соседи, они часто видали друг друга; но когда красивая дочь помещика Косяровского, получившая впоследствии от тетки своей Трошинской за нежный цвет лица прозвание белянки, стала подрастать, она произвела сильное впечатление на своего романтика-соседа.

В. И. Шенрок. Материалы, 36–39.

Василий Афанасьевич Гоголь, отец поэта, обладал даром рассказывать занимательно, о чем бы ему ни вздумалось, и приправлял свои рассказы врожденным малороссийским комизмом... Его небольшое наследственное село Васильевка, или, – как оно называется исстари, – Яновщина, сделалось центром общественности всего околотка. Гостеприимство, ум и редкий комизм хозяина привлекали туда близких и далеких соседей.

В соседстве села Васильевки, в селе Кибинцах, недалеко от местечка Сорочинцы, поселился Дм. Прок. Трошинский, гений своего рода, который из бедного казачьего мальчика умел своими способностями и заслугами возвыситься до степени министра юстиции. Трошинский отдыхал в сельском уединении посреди близких своих домашних и земляков. Отец Гоголя был с Трошинским в самых приятельских отношениях. Оригинальный ум и редкий дар слова, каким обладал сосед, были оценены вполне воспитанником высшего столичного круга. С своей стороны Вас. Аф. Гоголь не мог найти ни лучшего собеседника, как бывший министр, ни обширнейшего и более избранного круга слушателей, как тот, который собирался в доме Трошинского. В то время Котляревский только что выступил на сцену со своею «Наталкою-Полтавкою» и «Москалем-Чаривныком». Комедии из родной сферы, после переводов с французского и немецкого, понравились малороссиянам, и не один богатый помещик устраивал для них домашний театр. То же сделал и Трошинский. Собственная ли это его была затея, или отец Гоголя придумал для своего патрона новую забаву, не знаем, только старик Гоголь был дирижером такого театра и главным его актером. Этого мало: он ставил на сцену пьесы собственного сочинения, на малороссийском языке. К сожалению, все это считалось не более как шуткою, и никто не думал сберегать игравшиеся на кибинском театре комедии. Единственные следы этой литературной деятельности мы находим в эпиграфах к «Сорочинской ярмарке» и к «Майской ночи» (*подписанных «Из малороссийской комедии»*).

П. А. Кулиш, I, 5, 6, 11, 12.

Безусловно, неверно сообщение Кулиша о том, что отец Гоголя и Трошинский были в самых приятельских отношениях. Их отношения были далеко не равноправны: между ними было слишком большое расстояние. Он богатый и властный человек, Марья Ивановна и Василий Афанасьевич – бедные родственники, которым нужно было помогать материально и которые могли несколько рассеять скуку деревенской жизни. Василий Афанасьевич принимал большое участие в управлении угодьями Трошинского. Письма А. А. Трошинского, племянника сановника, почти целиком посвящены различным сообщениям о том, что нужно сделать Василию Афанасьевичу для экономии Трошинского. Вас. Аф-ч был доверенным человеком и вел сношения с управителями, экономами и другими лицами, служившими у Трошинского... Но он оказывал не только различные услуги по управлению, он еще заботился о развлечении Трошинского. Он принимал большое участие в тех спектаклях, что ставились на сцене домашнего театра в Кибинцах. Если судить по тому, что по делам домашнего театра обращались к нему, то можно думать, что он являлся организатором всего дела. На этой сцене играл и он, и его жена.

П. Е. Щеголев. Отец Гоголя. (По семейным бумагам Гоголей.) Ист. Вестн., 1902, февр., 662.

Деревянный дом Д. П. Трощинского в Кибинцах был в два этажа; снаружи он не казался великолепен, но внутри был богато отделан; в нем было множество картин, фарфора, бронзы и мрамора; тут же у него была и коллекция золотых монет и медалей. Главный праздник там был 26 октября, в день именин Трощинского. К этому дню съезжались к нему родные, друзья и знакомые из разных губерний, и в особенности из Киевской. Театр, живые картины, маскарады и разные сюрпризы были приготовлены заранее к этому дню зятем его, кн. Хилковым, и дочерью, которая была очень хороша, мила и привлекательна. Так как старик очень любил малороссийские пьесы, то их сочинял и устраивал обыкновенно родственник племянника его, Вас. Аф. Гоголь¹.

С. В. Скалон (урожденная Капнист). Воспоминания. Ист. Вестн., 1891, май, 363.

В Кибинцах (имении Д. П. Трощинского) все говорило, что хозяин был человек просвещенный, с тонким вкусом и большой разносторонней любознательностью. Здесь был вечный пир в праздник и будни. Кто бы и когда ни подъезжал к господскому дому в Кибинцах, уже издалека начинал различать звуки домашнего деревенского оркестра, казавшиеся сначала каким-то неопределенным гулом и становившиеся по мере приближения все явственнее и громогласнее, и, наконец, перед путником вырастал величавый дом Трощинского с примыкавшими к нему бесчисленными флигелями и службами. Дом этот походил больше на обширный клуб или гостиницу, чем на обыкновенный домашний очаг. Все было поставлено в нем на широкую ногу, всего было в изобилии, и везде блистали изящество и красота. Гостей в Кибинцах круглый год бывало так много, что исчезновение одних и появление других было почти незаметно в этом волнующемся море. Большинство из них пользовались особыми помещениями и всевозможным комфортом: каждому присылался в его комнату чай, кофе или десерт, и лишь к обеду все должны были в строго определенный час собираться по звонку. Впрочем, при всем гостеприимстве, Трощинский был несколько натянут и не особенно приветлив в обращении. С гостями он вообще беседовал мало и любил при них раскладывать гран-пасьянс. Перед обедом гости, располагаясь в разных концах столовой, обыкновенно напряженно ожидали хозяина. Наконец, появлялся Дмитрий Прокофьевич, всегда в полном параде, в орденах и лентах, задумчивый, суровый, с выражением скуки или утомления на умном старческом лице. Усвоенная во время придворной жизни величавость, первенствующая роль хозяина и оказываемые наперерыв со всех сторон знаки подострастия давали ему вид козырного короля среди этой массы людей. При всем том это был человек очень добрый, готовый помогать и оказывать покровительство кому было возможно.

В. И. Шенрок. Материалы, I, 47–50.

Дом был открытый: кто ни приезжал, пользовался хорошим приемом. Был даже занимательный случай с одним Барановым, артиллерийским офицером. Он случайно, совершенно незнакомый, попал как-то в Кибинцы как раз перед именинами Трощинского, и, в виде сюрприза, устроил великолепный фейерверк. Его обласкали, и он остался проживать в Кибинцах, года три, совершенно позабыв про службу.

А. С. Данилевский по записи В. И. Шенрока. Материалы, I, 101.

Во время приездов своих в Кибинцы Василий Афанасьевич мог свободно располагаться в предоставленном в его полное распоряжение флигеле и поместить в нем всю семью. Кроме того, к его услугам был экипаж, люди для посылок; наконец, он мог во всякое время пользоваться советами домашних врачей Трощинского. Случалось, что и сам Дмитрий Прокофьевич

¹ Родство было такое: тетка Марии Ивановны Гоголь, Анна Матвеевна Косяровская, была замужем за братом Дмитрием Прокофьевичем, Андреем Прокофьевичем Трощинским.

приезжал к нему, а потом ко вдове его, со всем штатом, с челядью и шутами. В делах практической важности Трощинский всегда оказывал содействие любимому родственнику и его семье.

А. С. Данилевский по записи В. И. Шенрока. Материалы, I, 49.

Иногда экспромтом сочиняли комедии и играли в Кибинцах в театре Трощинского, на дворе его выстроенном; в нем играли и дворовые люди довольно хорошо, но больше были благородные актеры, дети В. В. Капниста (*писателя, автора комедии «Ябеда»*), иногда и он сам. Князь Хилков (*муж незаконной дочери Трощинского*) был большой комик, и жена его играла, и мы все, случающиеся там, муж мой и я. В. В. Капнист уверил всех, что я буду хорошо играть, и для поддержания себя находил игру мою отличной. Когда подавали Дмитрию Прокофьевичу афишку о действующих лицах, то он с восторгом брал свой лорнет и, найдя мое имя, был всегда доволен, потому что Капнист, сидя возле его, говорил ему о каждом нашем движении. За обеденным столом кратко загадывали шарады, а после обеда шарады были в действии... Кажется, целой стопы бумаги было бы мало для описания всего, сколько там было разнообразных удовольствий, какие были замысловатые маскарады две недели праздников в рождестве христове и в разное время представления в зале разных родов. Каждый день были балы после театра. Мы с мужем моим, которого Д. П. Трощинский очень любил, жили безвыездно у него; нельзя было проситься домой: в последнее время сердился до болезни, когда узнавал о помышлении нашем ехать домой, и гостям было трудно уезжать, чтобы его не тревожить; и когда начиналось провожание гостей, то старик бывал очень не в духе; и ненадолго оставалось в доме без больших собраний, – скоро опять съезжались. В эти промежутки двери анфиладой отворялись, играла музыка, иногда целый оркестр, иногда квартеты. Разыгрывали из Бетховена и Моцарта и прочих тогда бывших в славе музыкантов.

Мария Ив. Гоголь (мать писателя) – С. Т. Аксакову, 3 апр. 1856 г. Современник, 1913, IV, 250.

Трощинский любил держать при себе шутов. В доме у него, на жаловании или на других условиях, жили муж и жена, Роман и Параска, принадлежавшие, как видно, к высшему лакейству. Этот Роман был смешон только своим тупоумием, которому бывший министр юстиции не мог достаточно надивиться.

П. А. Кулиш, I, 13.

Кто-нибудь из гостей находит, что наступает время развлечь Дмитрия Прокофьевича. На сцену вызывается кто-нибудь из шутов и начинает занимать общество своими выходками. Но шутки или повторяются, или становятся чересчур избитыми и не достигают цели. Приходится изобресть что-нибудь новое, не успевшее наскучить. У Трощинского в случае нужды оживить общество на выручку являлись особые шутодразнители. В таких шутодразнителях не было недостатка при разнородном составе гостей Трощинского. Что они выделывали и изобретали в угоду знатному вельможе, можно судить по следующим примерам. Среди шутов, кроме известного Романа Ивановича, обращал на себя внимание жалкий, отставленный вследствие умопомешательства заштатный священник отец Варфоломей. Он был главной мишенью для насмешек и издевательства, а иногда и побоев со стороны не знавшей удержу толпы. Этого мало: была изобретена особая, часто повторявшаяся потеха, состоявшая в том, что бороду шуту припечатывали сургучом к столу и заставляли его, делая разные движения, выдергивать ее по волоску. Шут этот был не столько забавен даже, сколько отвратителен и грязен в буквальном смысле слова: неопрятность его доходила до таких невероятных размеров, что смотреть на него во время обеда было противно и непристойно, и его принуждены бывали отделять от остального общества особыми ширмочками, чтобы не оскорблять, по крайней мере, зрения соседей, тогда как слух их ежеминутно оскорблялся его безобразным чавканьем. Несмотря на

такие отвратительные привычки и наружность отца Варфоломея, с ним после стола ежедневно проделывали одну и ту же шутку. Глумясь над жадностью его к деньгам, между ним и Трощинским, садившимся нарочно возле шута, потихоньку подвигали ассигнацию и наблюдали, как, не будучи в состоянии устоять против соблазна, шут наконец ее схватывал и собирался уже ею завладеть, как вдруг, остановленный в своем намерении бесцеремонным толчком и бранным словом Трощинского, невозмутимо повторял двусмысленное: «а нехай се вам!..» Однажды во время приезда архиерея шутодразнители вложили отцу Варфоломею мысль обратиться к его преосвященству с приветственной речью. Речь была действительно приготовлена и, к крайнему соблазну одних и лукавой радости других, торжественно начата. Архиерей слушает и недоумевает. Наконец, когда не осталось уже сомнения, в чем дело, находя неприличным и скучным слушать такой вздор, прервал автора словами: «хорошо, очень хорошо! Остальное досказывай чушкам...»

В. И. Шенрок. Материалы, I, 68.

Трощинский жил в своем богатом и знаменитом имении Кибинцах, в великолепном дворце. Дряхлый старик этот, окруженный шутами, скороходами и разными барскими прихотями тогдашнего времени, спокойно доживал здесь свой век. По праздникам, при приезде к нему гостей, он потешался различными причудами и в числе их – бросанием золотых в большую шестидесятиведерную бочку, наполненную водою. Кто из желающих опускался в бочку, как есть, во всем одеянии и забирал сразу все золотые, тому они и принадлежали. Находилось много охотников из простонародья и нередко из лиц более или менее образованных. Но из многих удавалось весьма немногим схватить на дне бочки все золотые: большая же часть заинтересованных выползала из бочки только с несколькими червонцами, но не со всеми, промокала до нитки и должна была с досадою бросать золотые обратно в бочку. Однажды рискнула и ринулась в бочку и духовная особа, но неудачно: не дохватила только одного червонца, выдержала порядочную пытку, измочила шелковую рясу и должна была бросить пять или шесть золотых в бочку. Трощинский сидел на балконе с гостями и потешался.

Т. Г. Пащенко по записи В. Пашкова. Берег, 1880, № 268.

Муж мой иногда писал стихи, но ничего серьезного. К знакомым он писал иногда письма в стихах, более комического характера. Он имел природный ум, любил природу и поэзию.

М. И. Гоголь. Из записок В. И. Шенрок. Материалы, I, 46.

Муж мой писал много стихов и комедий в стихах на русском и малороссийском языках, но сын мой все выпросил у меня, надеясь напечатать. Он тогда был очень молод, и, верно, они сожжены в Италии вместе с его рукописью, не рассматривая, будучи одержим жестокою болезнью; и у меня не осталось ничего на бумаге, а в памяти остался один куплет, который он было написал на бюро его изобретения за доской, когда принес его столяр, и то бюро подарил своему приятелю; я его здесь помещаю:

Одной природой наслаждаюсь,
Ничьим богатством не прельщаюсь,
Доволен я моей судьбой.
И вот девиз любимый мой.

М. И. Гоголь – С. Т. Аксакову. Современник, 1913, IV, 251.

Он был человек хороший, нравственный, правдивый, но особенно практическим не был.

А. В. Гоголь (сестра писателя) по воспоминаниям матери. В. И. Шенрок. Материалы, I, 50.

Отец мой (*Иван Матвеевич Косяровский*) для того служил, чтобы иметь способ образовывать нас, и много трудился, прежде в военной службе, которая была тогда очень тяжела, и когда потерял здоровье для той службы, то перешел в штатскую; и тогда было началось мое воспитание, когда он был в Харькове губернским почтмейстером. И когда ему объявили доктора, что он лишится от лишнего прилежания зрения, то оставил службу и переехал в свой маленький хуторок, и окончилось мое воспитание, продолжавшееся всего один год.

М. И. Гоголь. Записки, П. А. Кулиш, I, 17.

Когда Вас. Аф-вич Гоголь приезжал в каникулы домой, и в то время ездил со своей матушкой в Ахтырку, Харьковской губернии, на богомолье, там есть чудовный образ божьей матери, они были там в обедне, отправляли молебен и остались там ночевать, и он видел во сне тот же храм. Он стоял в нем по левую сторону; вдруг царские ворота отворились, и вышла царица в порфире и короне и начала говорить к нему при других словах, которых он не помнил: «Ты будешь одержим многими болезнями (и точно, он страдал многими недугами и, наконец, лихорадкой, которая продолжалась у него два года; никакие средства не помогали, один д-р Трофимовский освободил его от нее), но то все пройдет, – царица небесная сказала ему: – ты выздоровеешь, женишься, и вот твоя жена». Выговоря эти слова, подняла вверх руку, и он увидел у ее ног маленькое дитя, сидящее на полу, которого черты врезались в его памяти. Потом он приехал домой, рассеялся и забыл тот сон. Родители его, не имея тогда церкви, ездили в местечко Ярески при реке Псле. Там он познакомился с теткой моей, и, когда вынесла кормилица дитя семи месяцев, он взглянул на него и остановился от удивления: ему представились те самые черты ребенка, которые показали ему во сне. Не сказавши о том никому, он начал следить за мной; когда я начала подрастать, то он забавлял меня разными игрушками, даже не скучал, когда играла в куклы, строил домики с карт, и тетка моя не могла надивиться, как этот молодой человек не скучал заниматься с таким дитем по целым дням; я хорошо знала его и привыкла, часто видя, любить его; потом, спустя тринадцать лет, он видел тот же сон и в том же храме, но не царские ворота отворились, а боковые алтаря, и вышла девица в белом платье с блестящей короной на голове, красоты неописанной, и, показав рукой в левую сторону, сказала: «Вот твоя невеста!» Он оглянулся в ту сторону и увидел девочку в белом платье, сидящую за работой перед маленьким столиком и имеющую те же черты лица. И после того скоро мы возвратились из Харькова, и муж мой просил родителей моих отдать меня за него.

М. И. Гоголь – С. Т. Аксакову. Современник, 1913, IV, 252.

Как живо напомнил мне один монолог из трагедии Озерова (*Сумарокова*) «Иди, душа, во ад» моего мужа; мне казалось, как будто он, выговоря его, падал предо мной, закалываясь; он представил его в кругу девок, окружающих меня, я так испугалась, будучи двенадцати лет, что не знала, как очутилась на диване, ухаживаемая моими гостями. Мне показалось, что он в самом деле заколол себя, а он испугался, чтоб я не заболела от испуга, и не мог уехать домой, не узнавши, что мне прошло совершенно.

М. И. Гоголь – С. Т. Аксакову. Современник, 1913, IV, 251.

Тогда мне было всего тринадцать лет. Я чувствовала к нему что-то особенное, но оставалась спокойной. Жених мой часто навещал нас (у тетки в местечке Яресках). Он иногда спрашивал меня, могу ли я терпеть его и не скучаю ли с ним. Я отвечала, что мне с ним приятно, и действительно, он был всегда очень любезен и внимателен ко мне с самого детства. Когда я, бывало, гуляла с девушками к реке Пслу, то слышала приятную музыку из-за кустов другого берега. Нетрудно было догадаться, что это был он. Когда я приближалась, то музыка в разных

направлениях сопутствовала мне до самого дома, скрываясь в садах. Когда я рассказывала об этом тетушке, она, улыбаясь, говорила: «Вот кстати ты вышла гулять! Он так любит природу и, пользуясь хорошей погодой, наслаждается музыкой. Но ты больше не ходи гулять так далеко от дому». Один раз, не найдя меня дома, он пошел в сад. Увидя его, я задрожала и вернулась домой. Когда мы остались одни, он спросил меня, люблю ли я его; я отвечала, что люблю, как всех людей. Удивляюсь, как я могла скрывать свои чувства на четырнадцатом году. Когда я ушла, он сказал тетке, что очень желал бы жениться на мне, но сомневается, могу ли я любить его. Она отвечала, что я люблю его, что я доброе дитя и могу быть хорошей женой, что она уверена, что я люблю его, потому что скучаю, когда долго его не вижу, а что я так отвечала потому, что боюсь мужчин, наслышавшись от нее, какие они бывают лукавые. Когда он уехал, тетка позвала меня и передала мне его предложение. Я сказала, что боюсь, что подруги будут смеяться надо мной; но она меня урезонила, и нас сговорили. Родители взяли меня к себе, чтобы приготовить кое-что, и я уже не так скучала, потому что жених мой часто приезжал, а когда не мог приехать, то писал письма, которые я, не распечатывая, отдавала отцу. Читая их, он, улыбаясь, говорил: «Видно, что начитался романов!» Письма были наполнены нежными выражениями, и отец диктовал мне ответы. Письма жениха я всегда носила с собой. Свадьба наша назначалась через год.

М. И. Гоголь. Воспоминания. В. И. Шенрок. Материалы, I, 42.

Мать моя воспитывалась у своей тетки Анны Матвеевны Трощинской, которая ее и замуж выдала, и выбрала ей сама жениха, когда матери минуло только четырнадцать. Она еще не успела испытать, что такое любовь, она была занята еще куклами, но, по приказанию или по совету тетки, должна была повиноваться, несмотря на то, что она была первая красавица, а отец, говорят, был некрасив.

О. В. Гоголь-Головня, 4.

Когда мне было четырнадцать лет, нас перевенчали в местечке Яресках; потом муж мой уехал, а я осталась у тетки, оттого, что еще была слишком молода; потом гостила у родителей, где часто с ним видалась. Но в начале ноября он стал просить родителей отдать ему меня, говоря, что не может более жить без меня. Так вместо году я пробыла у них один месяц. Они благословили меня и отпустили. Он меня привез в деревню Васильевку, где встретили нас отец и мать. Они приняли меня, как родную дочь. Свекровь наряжала меня по своему вкусу и надевала на меня свои старинные вещи. Любовь ко мне мужа была неописанная; я была вполне счастлива. Он был старше меня на тринадцать лет. Я никуда не выезжала, находя все счастье дома.

М. И. Гоголь. Записки. В. И. Шенрок. Материалы, I, 43.

Когда отец женился, вероятно, тогда уже не было дедушки (*Афан. Дем-ча*), потому что бабушка сама всем хозяйством распоряжалась, а потом передала моей матери (*Марии Ивановне Гоголь*), а сама жила в домике, который был в саду. Там две комнаты. В одной бабушка жила, а через сени другая комната, там – ее прислуга.

О.В. Гоголь-Головня, 37.

У нее в саду был маленький домик. Татьяна Семеновна была сморщенная, как губка, вечно ходила с палочкой; молчаливая, добрая, прекрасная.

А. С. Данилевский по записи В. И. Шенрока. Материалы, I, 101.

В деревне нашей тогда было 130 душ. Я не выезжала ни на какие собрания и балы, находя все счастье в своем семействе; мы не могли разлучаться друг от друга ни на один день, и когда он ездил по хозяйству в поле в маленьких дрожках, то всегда брал меня с собою. Если же слу-

чалось, что мне надобно было остаться дома, то я боялась за него; мне казалось, что я не увижу его. Мы почти не разлучались до приезда из Петербурга Д. П. (*Трощинского*). Он не хотел нас отпускать домой, очень любил моего мужа. Там я увидела все, чего не искала в свете, и балы, и театры, и отличное общество, приезжавшее к нему из обеих столиц; но всегда была рада, когда могла ехать в Васильевку, где я иногда проживала одна для моей свекрови: она скучала одна, а мой муж должен был оставаться у Трощинского, служащего тогда предводителем по выборам в военное время, и дворянская сумма была на руках моего мужа. Когда он сдавал ее, то дворяне без счета от него приняли; не мог их принудить счесть.

М. И. Гоголь. Автобиографическая записка. Рус. Арх., 1902, I, 716.

Жизнь моя была самая спокойная; характер у меня и у мужа был веселый. Мы окружены были добрыми соседями. Но иногда на меня находили мрачные мысли. Я предчувствовала несчастья, верила снам. Сначала меня беспокоила болезнь мужа. До женитьбы у него два года была лихорадка. Потом он был здоров, но мнителен. У нас было двенадцать детей, из которых более половины мы потеряли. Из шести сыновей остался один старший (Н. В. Гоголь)... Потом мы лишились всех средних детей, и потом остались только меньшие три дочери.

М. И. Гоголь. Записки. В. И. Шенрок. Материалы, I, 53.

В селе Васильевке числилось..... 970 десятин с саж.

В урочище Стенка лес..... 51»»

И при селе Ярьски хутор в..... 70»»

Итого всего земли более..... 1091 десятин

Н. В. Быков. К биографии Гоголя. Рус. Стар., 1888, март, 768.

Имение родителей Гоголя состояло из 200 душ крестьян.

П. А. Кулиш, I, 83.

II

Детство и школа

Мария Ивановна Гоголь имела до Николая других детей, из которых ни один не жил более недели.

Г. П. Данилевский со слов М. И. Гоголь. Знакомство с Гоголем. Собр. соч., изд. 9-е. Спб., 1902. XIV, 119.

Мать Гоголя имела двоих детей до его рождения, но они являлись на свет мертвыми. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим, она дала обет, если родится у нее сын, назвать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тех пор, пока дадут ему знать о счастливом событии и попросят отслужить благодарственный молебен.

П. А. Кулиш I, 6.

У нашей матери было два выкидыша... Тогда трудно было устроить, чтобы приехали к вам вовремя доктор или акушерка. Когда пришло время, отец поехал с матерью к доктору Трофимовскому, в его имение Сорочинцы. И вот родился там, в доме доктора, мой брат Николай... Брат любил вспоминать о том, почему назвали его Николаем.

О. В. Гоголь-Головня по записи А. Н. Мошина. И. Белоусов. Дорогие места. Изд. 2-е. М., 1916. Стр. 30.

[Василий Афанасьевич Гоголь женился на четырнадцатилетней своей невесте в 1808 г. (см.: В. И. Шенрок, *Материалы. I, 44*; Кирпичников, *Хронологическая канва, 3*). Писатель родился в марте 1809 г. А. И. Кирпичников справедливо недоумевает: «Каким образом в один год или около того 14—15-летняя Мария Ивановна могла родить три раза? Очевидно, продолжает он, — сказание это не заслуживает ни малейшего доверия; поездка слишком молодой будущей матери под наблюдение опытного врача вполне вероятна и без предшествующих несчастий». (*Сомнения и противоречия в биографии Гоголя. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наук, т. V (1900), кн. 2, стр. 601.*) Однако о том обстоятельстве, что у Марии Ивановны до сына Николая были еще дети, свидетельствует целый ряд лиц, вполне заслуживающих доверия (кроме вышеприведенных см. еще подлинное свидетельство сестры писателя О. В. Гоголь-Головни в ее воспоминаниях. стр. 38). Ошибочно не это свидетельство — ошибочна дата свадьбы родителей Гоголя. Единственное свидетельство за 1808 год — письмо Гоголя к матери из Лозанны 21 сент. 1836 г. (*Письма, I, 197*), где он напоминает ей о семнадцати годах «непрерывного, невозмущаемого счастья», которым она наслаждалась с мужем. Василий Афанасьевич умер в 1825 г., значит, свадьба должна была быть в 1808 г. Однако дата эта, несомненно, неверна. Мария Ивановна Гоголь родилась в 1791 году (см. *фотографический снимок с надгробной плиты на могиле родителей Гоголя. О. В. Гоголь-Головня. Из семейной хроники Гоголей, стр. 40*), значит, четырнадцать лет ей было в 1805 г., в этом году, значит, была и свадьба. Во всяком случае, в 1806 г. она была уже замужем. В автобиографической записке своей Мария Ивановна Гоголь, рассказав о замужней своей жизни в первое время после свадьбы, продолжает: «Мы почти не расставались до приезда из Петербурга Д. П. Трошинского» (*Рус. Арх., 1902, I, 717*). А Трошинский приехал из Петербурга в 1806 г., по-видимому еще летом (увольнение его от службы последовало 9 июня 1806 г. — см. *Рус. Стар., 1882, июнь, 649*). Таким образом, вполне возможными становятся двукратные роды Марии Ивановны до рожде-

ния Николая. В евгеническом отношении важно установить, что писатель родился не от пятнадцатилетнего ребенка, а от восемнадцатилетней женщины.]

Трахимовский был знаменитый на всю округу доктор, к нему в Сорочинцы много даже из других губерний съезжалось. При доме был у него флигелек для приезжих больных, где они останавливались. Вот в этом-то самом флигельке, так, о две комнаты, – Мария Ивановна Гоголь остановилась и разрешилась благополучно сыном. Мария Ивановна приехала в то время, когда много в большом доме было гостей, и ее поместили для спокойствия во флигеле, а на третий день с новорожденным уже их перевели в дом.

В. А. Гиляровский со слов местных старожилов. На родине Гоголя. М., 1902. Стр. 9 и 44.

Флигелек этот цел и теперь. Это чисто побеленная мазанка, с дверью посередине. Дверь эта ведет в большую комнату с глинобитным полом, в правом углу которой расположена большая печка, а рядом с ней дверь, ведущая в пристройку. Налево – дверь в комнату, где когда-то доктор Трахимовский располагал своих пациентов и где родился Н. В. Гоголь.

В. А. Гиляровский. Гоголевщина. Рус. Мысль, 1900, февр., 122, 126.

По тщательно собранным мною на месте справкам оказалось, что Гоголь, действительно, родился в доме Трахимовского.

Д. И. Эварницкий. Церковь в Сорочинцах. Ист. Вестн., 1902, февр., 678.

1809 год. № 25. – Месяца марта 20 числа у помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен. Молитвовал и крестил священнонаместник Иоанн Беловольский. Восприемником был господин полковник Михаил Трахимовский².

Выпись из Метрической книги Спасо-Преображенской церкви местечка Сорочинец, Миргородского уезда. Рус. Стар., 1888, ноябрь, 392.

Новорожденный Николай был необыкновенно слаб и худ. Долго опасались за его жизнь. Через шесть недель он был перевезен в родную Васильевку-Яновщину.

Г. П. Данилевский. Собр. соч., XIV, 119.

Трех лет от роду он уже сносно разбирал и писал слова мелом, запомнив алфавит по рисованным, игрушечным буквам.

Г. П. Данилевский, там же.

– В какие лета выучились вы читать? – Гоголь: Я думаю, как и все, лет в семь. Но ведь нас не очень много занимали; нет, зачем. Все дело в том, чтобы заохотить ребенка учиться, а уж там и не заботиться. Я долго не говорил, до трех лет.

Неизвестная. Дневник (1851 г.). Рус. Арх., 1902, I, 546.

Пяти лет от роду Гоголь вздумал писать стихи. Никто не понимал, какого рода стихи он писал. Известный литератор В. В. Капнист, заехав однажды к отцу Гоголя, застал его пятилетнего сына за пером. Малютка Гоголь сидел у стола, глубокомысленно задумавшись над каким-то писанием. Капнисту удалось, просьбами и ласками, склонить ребенка-писателя прочесть свое произведение. Гоголь отвел Капниста в другую комнату и там прочел ему свои стихи. Капнист никому не сообщил содержание выслушанного им. Возвратившись к домашним Гоголя,

² Сам Гоголь день своего рождения праздновал всегда 19 марта.

он, лаская и обнимая маленького сочинителя, сказал: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина»³.

Г. П. Данилевский. Собр. соч., XIV, 119.

В памяти сохранился у меня рассказ Гоголя о себе еще мальчиком.

– Было мне лет пять. Я сидел один в Васильевке. Отец и мать ушли. Оставалась со мною одна старуха няня, да и она куда-то отлучилась. Спускались сумерки. Я прижался к уголку дивана и среди полной тишины прислушивался к стуку длинного маятника старинных стенных часов. В ушах шумело, что-то надвигалось и уходило куда-то. Верите ли, – мне тогда уже казалось, что стук маятника был стуком времени, уходящего в вечность. Вдруг слабое мяуканье кошки нарушило тяготивший меня покой. Я видел, как она, мяукая, осторожно кралась ко мне. Я никогда не забуду, как она шла, потягиваясь, а мягкие лапы слабо постукивали о половицы когтями, и зеленые глаза искрились недобрым светом. Мне стало жутко. Я вскарабкался на диван и прижался к стене. «Киса, киса», – пробормотал я и, желая ободрить себя, соскочил и, схвативши кошку, легко отдавшуюся мне в руки, побежал в сад, где бросил ее в пруд и несколько раз, когда она старалась выплыть и выйти на берег, отталкивал ее шестом. Мне было страшно, я дрожал, а в то же время чувствовал какое-то удовлетворение, может быть, месть за то, что она меня испугала. Но когда она утонула и последние круги на воде разбежались, водворились полный покой и тишина, – мне вдруг стало ужасно жалко «кисы». Я почувствовал угрызения совести. Мне казалось, что я утопил человека. Я страшно плакал и успокоился только тогда, когда отец, которому я признался в поступке своем, меня высек.

А. О. Смирнова по записи П. А. Висковатова. Рус. Стар., 1902, сент., 487.

Первые годы отрочества Гоголь провел со своим младшим, рано умершим, братом Иваном. Отец Гоголя, езда в поле с сыновьями, иногда задавал им дороною темы для стихотворных импровизаций: «солнце», «степь», «небеса». Старший сын отличался находчивостью в ответах на такие задачи.

Г. П. Данилевский. Собр. соч., XIV, 121.

Рассказывали, когда брат был маленьким, то ходил к бабушке и просил шерсти, вроде гаруса, чтобы выткать пояс: он на гребенке ткал пояски.

О. В. Гоголь-Головня, 37.

Я с ним познакомился в детстве. Мне было семь лет. Наши родители вместе воспитывались в киевской духовной академии. Мы приехали с отцом к ним в деревню. Мы жили от них верстах в тридцати, в Семереньках. Это было около рождества. Тут я увидел в первый раз маленького Никошу (так все называли Гоголя в семье). Он был нездоров и лежал в постели. Мы играли с его младшим братом Иваном. Пробыли мы несколько дней.

А. С. Данилевский (лицейский товарищ Гоголя) по записи В. И. Шенрока. Материалы, I, 99.

Я помню: я ничего в детстве сильно не чувствовал, я глядел на все, как на вещи, созданные для того, чтобы угождать мне. Никого особенно не любил, выключая только вас, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядел бесстрастными глазами;

³ Григория Данилевского много упрекали за совершенно фантастические сведения, сообщенные им о детстве Гоголя. Навряд ли, однако, можно в этом упрекать его. Писал он со слов матери Гоголя, а Мария Ивановна была большая, до комизма, фантазерка и сына своего считала непревзойденным на земле гением. Она приписывала ему все новейшие изобретения и открытия: паровую машину, железные дороги и т. п. Естественно, что и молодые годы Гоголя окрасились в ее фантазии выходящего из ряда даровитостью.

я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но, стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревения дьячков. Я крестился потому, что видел, что все крестятся. Но один раз, – я живо, как теперь, помню этот случай, – я просил вас рассказать мне о страшном суде, и вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказывали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешников, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность, это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли.

Гоголь – матери, 2 окт. 1833 г. Письма, I, 260.

Гоголя я знала мальчиком всегда серьезным и до того задумчивым, что это чрезвычайно беспокоило его мать.

С. В. Скалон. Воспоминания. Ист. Вестн., 1891, май, 363.

Гоголь получил первоначальное воспитание дома, от наемного семинариста; потом готовился к поступлению в гимназию в Полтаве, на дому у одного учителя гимназии, вместе с младшим своим братом Иваном.

П. А. Кулиш, I, 16.

В 1818 году я поступил в полтавскую гимназию. Тут после нескольких разговоров мы вспомнили друг друга. Он жил вместе с братом у учителя Спасского.

А. С. Данилевский по записи В. И. Шенрока. Материалы, I, 99.

Ваканции быстро приближаются; я не успел еще окончить всего: следовательно, нужно заняться ваканциями, чтобы поспеть с честью во второй класс. Учитель математики мне необходим.

Гоголь – родителям, 1820 г., из Полтавы. Письма, I, 7.

Когда братьев взяли домой на каникулы, младший брат Иван умер (девяти лет от роду), Николай Васильевич, будучи старше его годом, оставался некоторое время дома. Он был нежно привязан к брату и упоминал о нем с глубоким чувством в беседах с школьными своими друзьями.

П. А. Кулиш, I, 16.

Обрадуйте папеньку и маменьку, что я успел в науках, – то, что в первом классе гимназии, и учитель мною доволен.

Гоголь – бабушке, в 1820 г., из Полтавы. Письма, I, 8.

Тогдашний черниговский губернский прокурор Бажанов уведомил Гоголева отца об открытии в Нежине гимназии высших наук кн. Безбородко и советовал ему поместить сына в находящийся при этой гимназии пансион, что и было сделано в мае месяце 1821 года. Гоголь вступил своекоштным воспитанником.

П. А. Кулиш, I, 16.

Смерть младшего брата Ивана до того поразила отрока Гоголя, что были принуждены отвезти в нежинский лицей, чтоб отвлечь его от могилы брата.

Г. П. Данилевский, собр. соч., XIV, 121.

В гимназию высших наук кн. Безбородко Гоголь был привезен родными, обходившимися с ним как-то особенно нежно и жалостливо, точно с ребенком, страдающим какой-то тяжелой неизлечимой болезнью. Он был не только закутан в различные свитки, шубы и одеяла, но про-

сто-напросто закупорен. Когда его стали разоблачать, то долго не могли докопаться до тщедушного, крайне некрасивого и обезображенного золотухою мальчика. Мы чуть ли не всей гимназией вышли в приемную взглянуть на него. Глаза его были обрамлены красным, золотушным ободком, щеки и весь нос покрыты красными же пятнами, а из ушей вытекала каплями материя. Поэтому уши его были крайне крепко завязаны пестрым, цветным платком, придававшим его дряблой фигуре потешный вид.

В. И. Любич-Романович (гимназический товарищ Гоголя) по записи М. В. Шевлякова. Ист. Вестн., 1892, дек., 695.

Благодаря бога я здоров. Платья нам будут шить после каникул, но как во мне недостаток в платье, то Егор Иванович (*Зельднер, надзиратель, попечениям которого родители поручили мальчика*) заказал мне сделать летнее платье. За мною присылайте на каникулы 20 июня.

Гоголь – родителям, 10 июня 1821 г., из Нежина. Сочинения Гоголя под ред. В. В. Калаша, изд. Брокгауз – Ефрон, IX, 227.

Приемное испытание происходило в присутствии всех младших профессоров, учителей и некоторых из родителей воспитанников 21–28 июня 1821 г., ежедневно от 8 ч. у. до 5 ч. веч., «с промежутком полуденного стола». По этому испытанию все ученики, составлявшие до того два отделения, были распределены по трем отделениям следующим образом: лучшие, в числе 21, образовали третье, старшее отделение, худшие – второе, и вновь поступившие – первое. До экзамена Гоголь состоял во втором отделении, но по экзамену не переведен в третье, а оставлен в том же отделении.

Н. А. Лавровский. Гимназия высших наук кн. Безбородко. Известия Ист. – филолог. института кн. Безбородко в Нежине. 1879, т. III. Неофиц. отд., 153.

Прежде каникул писал я, что мне здесь хорошо, а теперь напротив того. Мне после каникул сделалось так грустно, что всякий божий день слезы рекой льются, и сам не знаю, отчего, а особливо, когда вспомню об вас, то градом так и льются... Добрый мой Симон⁴ так старается обо мне, что не прошло ни одной ночи, чтобы он не увещевал меня не плакать об вас, и часто просиживал по целой ночи надо мною. Уже его просил, чтоб он пошел спать, но никак не мог его принудить. Жалованья ему не выдают, и он принужден сам на нас всех готовить кушанье, ибо другого повара нету. Был один, и тот выпросился домой на два месяца.

Гоголь – родителям, 14 авг. 1821 г., из Нежина. Письма, I, 10.

Приехавши в Нежин, на другой день стала у меня болеть грудь. Ночью так у меня болела грудь, что я не мог свободно дышать. Поутру стало лучше, но грудь моя все-таки болела, и потому я опасался, чтоб не было чего худого, и притом мне было очень грустно в разлуке с вами. Но теперь, слава богу, все прошло, и я здоров и весел.

Гоголь – родителям, 6 сент. 1821 г., из Нежина. Письма, I, 11.

Ежели бы вы прислали денег мне, потому что моя казна вся истощилась. Один мой товарищ купил за восемь рублей ножик; я просил его, чтобы дал мне посмотреть; и я забыл ему отдать сейчас, а положил в свой ящик; но через минуту посмотрел в ящик, и его уже там не было. Теперь он говорит, чтобы я отдал сейчас ему восемь рублей, а не то – так он возьмет все мои вещи и еще пожалуется гувернерам, и они меня накажут со всею строгостию. Простите мне это. Я вперед уж никогда не буду чужих вещей брать, а когда и попрошу вперед, то буду

⁴ Дядька, старик повар, которого отец Гоголя получил позволение держать при пансионе в Нежине в качестве служителя бесплатно.

сейчас отдавать и со всею осторожностью. И прошу вас, пожалуйста, пришлите мне денег, хоть рублей десять; то я отдам ему восемь рублей, а два рубля оставлю на письма. Еще прошу вас, пришлите мне тулуп, потому что не дают казенного ни тулупа, ни шинели, а только в одних мундирах, несмотря на стужу. И еще ежели б вы прислали жилетов хоть два. Здесь нам дают по одному жилету.

Гоголь – родителям, 7 янв. 1822 г., из Нежина. Письма, I, 13.

Определивши сына сначала своекоштным пансионером, отец Гоголя вслед за тем начал хлопотать о помещении его на казенное содержание, без сомнения, будучи не в состоянии платить за него ежегодно тысячу рублей. Почетный попечитель в отношении от 3 марта 1822 г. предложил директору «состоящего ныне в гимназии высших наук пансионером Василия (!) Гогольяновского, сына господина коллежского асессора Гогольяновского, включить в число воспитанников, содержимых на гимназиальном иждивении». В общем списке всех пансионеров время поступления Гоголя в казенные пансионеры означено 1 июля 1822 г., т. е. концом учебного года. Затем за все пребывание в гимназии Гоголь состоял на казенном содержании.

Н. А. Лавровский. Гимназия высших наук кн. Безбородко. Гербель, 54.

К Василию Афанасьевичу (*Гоголю*) я посылаю теперь изрядный подарок, через ходатайство Дмитрия Прокофьевича (*Трощинского*) молодым графом Кушелевым-Безбородко ему делаемый, – включением его сына Никоши в число воспитанников, содержимых в нежинской гимназии на его иждивении; и следовательно, на будущее время Василий Афанасьевич освобождается от платежа в оную гимназию, за своего сына, в год по 1200 рублей.

А. А. Трощинский – своей матери, 23 марта 1822 г. Рус. Стар., 1882, июнь, 657.

Я опасно был болен; но теперь уже почти выздоровел... Прошу вас, дражайшие родители, прислать мне сколько-нибудь денег, потому что у меня они вовсе вышли, так что я найдусь принужденным занять; да и займы достать негде; а мне надо ужасно, а особенно в теперешних моих обстоятельствах. Также ежели б еще прислали чего-нибудь из съестных припасов, как маменька еще тогда обещалась прислать сушеных вишен без косточек. Но мне хоть чего-нибудь и похуже, а много ежели это.

Гоголь – родителям, 10 октября 1822 г., из Нежина. Письма, I, 16.

Сын ваш был болен, имел шкарлатина, и его болезнь продолжался почти две недели.

Е. И. Зельднер (надзиратель пансиона) – В. А. Гоголю, 8 ноября 1822 г., из Нежина. Ист. Вестн., 1902, февр., 525.

В истории первых лет пребывания Гоголя в Нежине играл известную роль надзиратель пансиона и преподаватель немецкого языка Егор Иванович Зельднер. Отсылая сына в Нежин, Василий Афанасьевич просил Зельднера позаботиться и посмотреть за мальчиком. Зельднер обещал сделать это. Зельднер должен был блюсти за здоровьем мальчика, следить за его поведением и успехами, воздействовать на него, когда нужно. Конечно, услуги эти не были даровыми: отношения отца Гоголя к его наставнику были основаны на взаимных одолжениях и были «патриархальными». Зельднеру поставляли продукты васьильевской экономии.

П. Е. Щеголев. Школьные годы Гоголя (на основании неизданных документов). Ист. Вестн., 1902, февр., 514.

Вы пишете, что не можно за мною прислать. Ах, сделайте милость, пришлите за мною! Нужды нет, что живете в Кишинцах; мне с вами везде будет весело. Притом же погода к празднику ежедневно становится лучше. Не откажите моей просьбе и осчастливьте своего сына.

Гоголь – родителям, 11 декабря 1823 г., из Нежина. Письма, I, 18.

Воротясь однажды после каникул в гимназию. Гоголь привез на малороссийском языке комедию, которую играли на домашнем театре Трошинского, и сделался директором театра и актером. Кулисами служили ему классные доски, а недостаток в костюмах дополняло воображение артистов и публики. С этого времени театр сделался страстью Гоголя и его товарищей, так что, после предварительных опытов, ученики сложились и устроили себе кулисы и костюмы, копируя, разумеется, по указанию Гоголя, театр, на котором подвизался его отец: другого никто не видел. Гоголь не только дирижировал плотниками, но сам расписывал декорации.

П. А. Кулиш (со слов товарищей Гоголя). Записки о жизни Гоголя, I, 27.

Пришлите мне полотна и других пособий для театра. Первая пьеса у нас будет представлена «Эдип в Афинах», трагедия Озерова. Ежели можно прислать и сделать несколько костюмов, – сколько можно, даже хоть и один, но лучше ежели бы побольше; также хоть немного денег. Каждый из нас уже пожертвовал, что мог, а я еще только. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу. Уведомляю вас, что я учусь хорошо, по крайней мере, сколько позволяют силы... Я думаю, дражайший папенька, ежели бы меня увидели, то точно бы сказали, что я переменился, как в нравственности, так и успехах. Ежели бы увидели, как я теперь рисую! (Я говорю о себе без всякого самолюбия.)

Гоголь – родителям, 22 января 1824 г., из Нежина. Письма, I, 19.

Многие из учеников, особливо первого и второго отделения (по языкам), отмеченные в списках единицею или ничем, не успели и не успевают, потому что приходят в класс неготовыми и неисправными, т. е. без учебных пособий, без упразднений и без знания заданных уроков. Отметку за поведение получили по единице: Яновский – за неопрятность, шутовство, упрямство и неповиновение...

Ведомости о поведении пансионеров за февраль 1824 г. Гербель, 48.

Жаль, что ваш сын иногда ленится, но когда принимается за дело, то и с другими может поравняться, что и доказывает его отличные способности.

И. С. Орлай (директор гимназии) – В. А. Гоголю, 28 марта 1824 г. Ист. Вестн., 1902, февр., 517.

Бывшие наставники Гоголя аттестовали его как мальчика скромного и «добронравного»; но это относится только к благородству его натуры, чуждавшей всего низкого и коварного. Он, действительно, никому не сделал зла, ни против кого не ошестинивался жестокою стороною своей души; за ним не водилось каких-либо дурных привычек. Но никак не должно воображать его, что называется, «смирною овечкою». Маленькие, злые ребяческие проказы были в его духе, и то, что он рассказывает в «Мертвых душах» о гусаре, списано им с натуры.

...Положение их было похоже на положение школьника, которому, сонному, товарищи, вставшие пораньше, засунули в нос гусара, т. е. бумажку, наполненную табаком. Потянувши впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, глядит, как дурак, выпучив глаза, во все стороны, и не может понять, где он, что с ним было, и потом уже различает озаренные весенним лучом солнца стены, смех товарищей, скрывшихся по углам, и глядящее в окно наступившее утро, с проснувшимся лесом, звучащим тысячами птичьих голосов, и с осветившеюся речкою, там и там пропадающею блещущими загогулинами

между тонких тростников, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, – и потом уже, наконец, чувствует, что в носу у него сидит гусар (*Мертвые души*, ч. I, гл. VIII).

Эти «блестящие загогулины между тонких тростников» живо напоминают тому, кто знает местность нежинского лица, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами речку, а проснувшийся лес, звучащий тысячами птичьих голосов, есть не что иное, как тенистый, обширный сад лица, похожий на лес.

П. А. Кулиш, I, 19.

Ныне 13 июня, через десять дней вы пришлете за мною (каникулы будут 20 июня). Но так как еще мне надо сделать платье, то мы не ранее 23-го выедем отсюда. Как бы я желал скорее! Г-н Баранов и Данилевский с нетерпением ожидают вместе со мною каникул. Ежели вы будете присылать за нами, то, пожалуйста, пришлите нашу желтую коляску с решетками и шестеркою лошадей. Не забудьте – коляску с зонтиком; в случае дождя, чтобы нам спокойно было ехать, не боясь быть промоченными. Я думаю, папенька не забыл сделать того, о чем я его просил, именно – для меня лошадку. Еще, сделайте милость, пришлите нам на дорогу, для разогнания скуки долго оставаться на постоялых дворах, несколько книг из Кибице. Но вместо повестей пришлите вы нам книгу под заглавием: «Собрание образцовых сочинений» в стихах, с портретами авторов, в шести томах.

Я уже почти собрался, уклал все свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени. Уже вижу все милое сердцу, вижу вас, вижу милую родину, вижу тихий Псел, мерцающий сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, наслаждаясь истинным счастьем, забыв протекшие быстро горести. Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей.

Прошу вас прислать еще денег десять рублей, которые мне следует получить. Еще раз, они теперь мне пренужны, ибо мне надо расплатиться и купить еще красок для рисования.

Гоголь – родителям, 13 июня 1824 г., из Нежина. Письма, I, 20.

Мы всегда ездили домой на вакации с Гоголем и с сыном моего отчима, Барановым. Помню один забавный случай с надзирателем Зельднером. Зельднер навязался ехать с нами. Коляску прислали четвероместную. Было бы место для всех, но к нам напросился еще некто Щербак (он был знаком с семейством Гоголя); он жил около Пирятина; это были довольно богатые люди. Зельднер еще сохранял тогда для нас авторитет: его присутствие нас очень стесняло. К тому же с ним было несчастье: каждый раз, когда он пускался в дорогу, с ним случалось расстройство желудка, да и в деревне жить с ним было не очень приятно. Он ехал к нам обоим, но обоим не хотелось его брать. Когда условились с ним ехать, то он пошел с нами на черный двор, где была коляска, и хотел непременно доказать, что можно ехать впятером. Наружность его была забавная, ноги циркулем. Наконец все было готово к отъезду. Накануне жена Зельднера, Марья Николаевна, напекла нам на дорогу пирожков, и на другой день, чем свет, мы должны были тронуться в путь. Но мы составили заговор – уехать раньше. На другой день утром приехавший за нами человек Гоголя, Федор, разбудил нас в музее (так назывались отделения, на которые разделялись воспитанники; их было три: старшее, среднее и младшее). Зельднер потом нас искал и ни за что не хотел поверить, что мы уехали. «А, мерзкая мальчишка!» – говорил он.

Дорога была продолжительная. Мы ехали на своих, и на третий день прибыли. Дорогой дурачились, и Гоголь выкидывал колена. Щербак был грузный мужчина с большим подбородком. Когда он, бывало, заснет, Гоголь намажет ему подбородок халвой, и мухи облепят его; ему доставался и «гусар» (гусар это была бумажка, свернутая в трубочку). Когда кучер запрягал лошадей, то мы наводили стекло на крупы. Дорога была веселая. С нами повстречались Василий Афанасьевич (*отец Гоголя*) и Василий Иванович (*отчим Данилевского*). Кажется, это про-

изошло случайно, а не была намеренная встреча... Живо припоминается мне Василий Афанасьевич; он был красивее сына. На нем была тогда шляпа лощеная, матросская. Человек он был интересный, бесподобный рассказчик... Часто мы заезжали с Гоголем детьми по дороге в Нежин к Трощинскому в Кибинцы; для подарков делались иногда небольшие предварительные путешествия. Мы много раз бывали в Кибинцах и Яресках и гостили подолгу, но Трощинский держал себя недоступно и едва ли промолвил с нами даже слово.

А. С. Данилевский по записи В. И. Шенрока. Материалы, I, 100.

Отец Гоголя нередко приезжал к дряхлому старику Трощинскому в гости с женою, матерью Гоголя, – дивною красавицею. Брали они с собою и Николая Васильевича.

Т. Г. Пашенко по записи В. Пашкова. Берег, 1880, № 268.

В лицее Гоголь вскоре оправился и из хилого, болезненного ребенка стал сильным, веселым и падким до разных потех и шалостей юношей.

Г. П. Данилевский со слов М. И. Гоголь. Собр. соч. XIV, 121.

По воспоминаниям его соучеников, Гоголь представляется нам красивым белокурый мальчиком, в густой зелени сада нежинской гимназии, у вод поросшей камышом речки, над которою взлетают чайки, возбуждавшие в нем грезы о родине. Он – любимец своих товарищей, которых привлекала к нему его неистощимая шутливость, но между ними немногих только, и самых лучших по нравственности и способностям, он избирает в товарищи своих ребяческих затей, прогулок и любимых бесед, и эти немногие пользовались только в некоторой степени его доверием. Он многое от них скрывал, по-видимому, без всякой причины, или облекал таинственным покровом шутки. Речь его отличалась словами малоупотребительными, старинными и насмешливыми; но в устах его все получало такие оригинальные формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось в горниле юмора. Слово его было так метко, что товарищи боялись вступать с ним в саркастическое состязание. Гоголь любил своих товарищей вообще, и до такой степени спутники первых его лет были тесно связаны с тем временем, о котором впоследствии он из глубины души восклицал: «О, моя юность! О, моя свежесть!», что даже школьные враги его, если только он имел их, были ему до конца жизни дороги. Ни об одном из них не отзывается он с холодностью или неприязнью, и судьба каждого интересовала его в высшей степени.

П. А. Кулиш, I, 18.

Гоголь постоянно косился на нас, держался в стороне, смотрел всегда букою. Насмешки наши над Гоголем еще усугублялись потому, что он держал себя каким-то демократом среди нас, детей аристократов, редко когда мыл себе лицо и руки по утрам каждого дня, ходил всегда в грязном белье и выпачканном платье. В карманах брюк у него постоянно имелся значительный запас всяких сладостей – конфет и пряников. И все это по временам, доставая оттуда, он жевал не переставая, даже и в классах, во время занятий. Для этого он обыкновенно забивался куда-нибудь в угол, подальше от всех, и там уже поедал свое лакомство. Чтобы занять в классе местечко, где бы его никто не видел, он приходил в аудиторию первым или последним и, засев в задних рядах, так же и уходил из класса, чтобы не подлежать осмеянию.

В. И. Любич-Романович по записи С. И. Глебова. Ист. Вестник, 1902, февр., 549.

Вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму «Онегина»; то прошу вас, нельзя ли мне их прислать? Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов? то и те пришлите. Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на рождество: то, по вашему обещанию, прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю, чем я вам буду много благодарен.

Гоголь – отцу, в конце сент. – нач. окт. 1824 г., из Нежина. Письма, I, 22.

Страстный поклонник всего высокого и изящного, Гоголь на школьной скамейке тщательно переписывал для себя на самой лучшей бумаге с рисунками собственного изобретения выходившие в то время в свет поэмы «Цыгане», «Полтава», «Братья-разбойники» и главы «Евгения Онегина».

Г. П. Данилевский. Собр. соч., XIV, 121.

Как я надеюсь, что зима теперь будет хорошая, то и прошу прислать за мною 16 декабря, потому что распускать нас будут 18-го числа. Прошу вас еще прислать мне синего сукна на мундир, или здесь пускай купят, потому что у меня о сю пору тот мундир, тот самый, что был на каникулах. Он совсем теперь не может на меня налезть – так сделался мал, притом весь в дырах.

Гоголь – родителям, 19 окт. 1824 г., из Нежина. Письма, I, 23.

Уведомляю вас, что нас будут распускать на праздник рождества христово, и для того прошу вас покорнейше или самим приехать, как папенька говорил, что он будет сам скоро, а ежели вы не приедете, то пришлите за мною; ибо вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздник или, – лучше сказать, зимою никогда не был дома; и для того прошу вас покорнейше приехать за мною.

Я трудился долго и наконец успел нарисовать три картины, а четвертую еще только начал, и можно сказать, что стоит чего-нибудь. Ежели бы вы их повидели, то, верно бы, не могли поверить, что я их рисовал. Только жаль, что они пропадут, ежели не будет рамок... И для того прошу вас покорнейше прислать рамки со стеклами. Я бы вам их прислал, но никак нельзя... Сделайте милость, дражайший папенька. Вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившим рисункам.

Гоголь – родителям, в ноябре – декабре 1824 г., из Нежина. Письма, I, 23.

В случай потеря прежнего журнала замечать должно самые отличные в худом поведении. Во время двух дневных дежурств замеченными были многократно за шалость, драку, грубость, неопрятность и непослушание: (*такие-то*) и Яновский (*Гоголь*) получили достойное наказание за их худое поведение. 13-го декабря (*такие-то*) и Яновский за дурные слова стояли в углу. Того же числа, Яновский за неопрятность стоял в углу. 19-го декабря, Прокоповича и Яновского за леность без обеда и в угле, пока не выучат свои уроки. Того же числа, Яновского за упрямство и леность особенную – без чая. 20-го декабря, (*такие-то*) и Яновский – на хлеб и на воду во время обеда. Того же числа, Н. Яновский, за то, что он занимался во время класса священника с игрушками, был без чаю.

Из журнала, веденного надзирателями гимназического пансиона. П. А. Кулиш, II, 274.

Получивши ваше письмо, весьма огорчился, особливо, услышав, что вы, дражайший папенька, весьма нездоровы. Я уже не думаю о праздниках, потому, знаю сам, никаким образом нельзя теперь ехать. Когда бы только папенька выздоровел, то я уже доволен... Прошу вас, дражайший папенька, прислать мне к праздникам хоть несколько книжек на прочет, ибо здесь на праздниках такая скука, что ужас; я сам не знаю, что делать. Вообразите себе – сидеть одному, поджавши руки и повесив голову; хоть кому, придет тоска поневоле. У нас почти все поразъезжались, кроме тех, которые из самых дальних мест. Да еще пришлите, пожалуйста, деньги портному, который мне каждый день надоедает. Вы не поверите, как страшно иметь заимодавца. Я ему должен за шитье сюртука десять рублей. Также, если можно, прислать мне сколько-нибудь на праздники. Не худо бы было и провианту.

Гоголь – родителям, в дек. (?) 1824 г., из Нежина. Письма, I, 24 5.

(Как видно из последующего письма, мальчику все-таки удалось провести рождественские праздники дома.)

Приехал сюда благополучно и 12-го числа пополудни очутился в гимназии. Езда моя, хотя была невыгодна, по той причине, что люди позабыли взять из дому все, что весьма нужно для дороги, как-то: для обеда и проч. приехал я как раз в срок, ни поздно, ни рано.

Гоголь – матери, 13 янв. 1825 г., из Нежина. Письма, I, 24.

Николе нашему надо было бы послать еще хотя десять рублей, и я думаю, что там он очень задолжал, а это его будет очень беспокоить, написать же о сем он теперь не смеет, потому что ты написал ему выговор, что он тогда только и пишет, когда денег нужно.

М. И. Гоголь – мужу своему В. А. Гоголю, 14 марта 1825 г., из Васильевки. С. Дурылин. Из семейной хроники Гоголя. М., 1928. Изд. ГАХН. Стр. 70.

Телесное наказание у нас в гимназии существовало. Нелегко было заслужить эту казнь, потому что Иван Семенович Орлай (*директор* гимназии), подписывая приговор, долго страдал сам, медлил, даже хворал, но одолевал свою врожденную доброту и предавал преступника ликторам. При этом случае я вспомнил забавное происшествие: Яновский (Гоголь тож), еще в низших классах, как-то провинился, так что попал в уголовную категорию. «Плохо, брат! – сказал кто-то из товарищей: – высекут!» – «Завтра!» – отвечал Гоголь. Но приговор утвержден, ликторы явились. Гоголь вскрикивает так пронзительно, что все мы испугались, – и сходит с ума. Подымается суматоха; Гоголя ведут в больницу; Иван Семенович два раза в день навещает его; его лечат; мы ходим к нему в больницу тайком и возвращаемся с грустью. Помешался, решительно помешался! Словом, до того искусно притворился, что мы все были убеждены в его помешательстве, и когда, после двух недель удачного лечения, его выпустили из больницы, мы долго еще поглядывали на него с сомнением и опасением. Больница вообще играла важную роль в нашей студенческой жизни. Отлучаться от музеев – так назывались рабочие наши залы – куда-нибудь подальше было затруднительно; а больница, под непосредственным надзором любознательного сторожа Евлампия, представляла все удобства для экскурсий. Доктор зайдет раз в день, инспектор раз в день – и кончено; подsunул Евлампию мадам Радклифф со всеми ужасами разных аббатств – и ступай себе куда хочешь. Местоположение удаленное, на лестнице никто не встретится.

Н. В. Кукольник. Гербель, 198.

Страсть к сочинениям пробудилась у Гоголя очень рано и чуть ли не с первых дней поступления его в гимназию. Во время класса, особенно по вечерам, он выдвигает ящик из стола, в котором была доска с грифелем или тетрадка с карандашом, облокачивается над книгою, смотрит в нее и в то же время пишет в ящичке, да так искусно, что и зоркие надзиратели не подмечали этой хитрости. Потом, как видно было, страсть к сочинениям у Гоголя усиливалась все более и более, а писать не было времени, и ящик не удовлетворял его. Что же сделал Гоголь? Вздвинулся! Вдруг сделалась страшная тревога во всех отделениях – «Гоголь взбесился!» – бежали мы и видим, что лицо у Гоголя страшно исказилось, глаза сверкают диким блеском, волосы натопорщились, скрегочет зубами, пена изо рта, падает, бросается и бьет мебель – взбесился! Прибежал и флегматический директор Орлай, осторожно подходит к Гоголю и дотрагивается до плеча. Гоголь схватывает стул, взмахнул им – Орлай уходит... Оставалось одно средство: позвать четырех служащих при лицее инвалидов, приказали им взять Гоголя и отнести в особое отделение больницы, в которой пробыл он два месяца, отлично разыгрывая там роль бешеного.

Т. Г. Пащенко по записи В. Пашкова. Берег, 1880, № 268.

Охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападок на товарища Бороздина, которого он преследовал насмешками за низкую стрижку волос и прозвал Расстригою Спиридоном. Вечером, в день именин Бороздина, 12 декабря⁵, Гоголь выставил в гимназической зале транспарант собственного изделия с изображением черта, стригущего дервиша, и со следующим акростихом:

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище дервишей всех.
Инок монастыря строптивой,
Расстрига, сотворивший грех.
И за сие-то преступленье
Достал он титул сей.
О, чтец! Имей терпенье,
Начальные слова в устах запечатлей.

Вслед за тем Гоголь написал сатиру на жителей города Нежина, под заглавием: «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», и изобразил в ней типические лица разных сословий. Для этого он взял несколько торжественных случаев, при которых то или другое сословие наиболее выказывало характеристические черты свои, и по этим случаям, разделил свое сочинение на следующие отделы: «1) Освящение церкви на греческом кладбище; 2) Выбор в греческий магистрат; 3) Всеедная ярмарка; 4) Обед у предводителя (дворянства) П ***; 5) Роспуск и съезд студентов». Я имел копию этого довольно обширного сочинения, списанную с автографа; но Гоголь, находясь еще в гимназии, выписал ее от меня из Петербурга, под предлогом, будто бы он потерял подлинник, и уже не возвратил.

Г. И. Высоцкий по записи П. А. Кулиша. Записки о жизни Гоголя, I, 24.

Гимназия высших наук кн. Безбородко разделялась на три музея, или отделения, в которые входили и выходили мы попарно; так водили нас и на прогулки. В каждом музее был свой надзиратель. В третьем музее надзиратель был немец Зельднер, безобразный, неуклюжий и антипатичный донельзя; высокий, сухопарый, с длинными, тонкими и кривыми ногами, почти без икр; лицо его уродливо выдавалось вперед и сильно смахивало на свиное рыло; длинные руки болтались, как будто привязанные; сутуловатый, с глуповатым выражением бесцветных и безжизненных глаз и с какою-то странною прическою волос. Зато же длинными кривушами своими Зельднер делал такие гигантские шаги, что мы и не рады были им. Чуть что – он и здесь: раз, два, три, – и Зельднер от передней пары уже у задней; ну просто, не дает нам хода. Вот и задумал Гоголь умерить чрезмерную прыткость этого цыбатого (длинноногого) немца и сочинил на Зельднера следующее четырехстишие:

Гицель – морда поросычя,
Журавлины ножки;
Той же чертик, что в болоти,
Только приставь рожки⁶.

Идем, Зельднер впереди; вдруг задние пары запоют эти стихи; – шагнет он, и уже здесь. – «Хто шмела петь, што пела?» Молчание. Там запоют передние пары; шагнет Зельднер туда, и

⁵ В день святого Спиридона; но это была шутка, и именины Бороздина (его звали Николаем) приходились в другой день.
В. И. Шенрок. Материалы, I, 87.

⁶ Эта песенка сочинена не Гоголем.

там то же; мы вновь затынем, – и он опять к нам. Потешаемся, пока Зельднер шагать перестанет, идет уже молча и только оглядывается и грозит пальцем. Иной раз не выдержим и грохнем со смехом. Сходило хорошо. Такая потеха доставляла Гоголю и нам большое удовольствие и поумерила гигантские шаги Зельднера.

Т. Г. Пащенко по записи В. Пашкова. Берег, 1880, № 268.

Соученик и друг детства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокопович, сохранил воспоминание о том, как Гоголь, бывши еще в одном из первых классов гимназии, читал ему наизусть свою стихотворную балладу «Две рыбки». В ней, под двумя рыбками, он изобразил судьбу свою и своего (*умершего*) брата, – очень трогательно, сколько припомнит Прокопович тогдашнее свое впечатление.

Наконец, сохранилось предание еще об одном ученическом произведении Гоголя, – о трагедии «Разбойники», написанной пятистопными ямбами.

П. А. Кулиш, I, 52.

По словам его матери, Гоголь в нежинском лицее написал стихотворение «Россия под игом татар». Эту никогда не напечатанную вещь Гоголь тщательно переписал в изящную книжечку, украсил ее собственными рисунками и переслал матери из Нежина по почте. Из всего содержания этой поэмы, увезенной им впоследствии из Яновщины и, вероятно, истребленной, мать Гоголя вспомнила мне только окончание, а именно следующие два стиха:

Раздвинув тучки среброрунны,
Явилась трепетно луна.

Г. П. Данилевский. Собр. соч., XIV, 120.

Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, к которым я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, были почти все в лирическом и серьезном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самых ранних суждениях моих о людях находили умение замечать те особенности, которые ускользают от внимания других людей, как крупные, так и мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то передразнить, но угадать человека, то есть, угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержанием самого склада и образа его мыслей и речей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление.

Гоголь. Авторская исповедь.

Благодарю вас покорнейше за присылку мне денег и за наставление, которое вы мне сделали. Но, дражайшие родители, позвольте вам сказать, что я не имею ни одной из тех склонностей, об которых вы мне писали, или, по крайней мере, ни к одной не имею пристрастия... Нельзя ли мне прислать на праздник несколько книжечек для препровождения времени, а особливо, когда здесь бывает ужасная скука в это время? Хотел бы вам прислать несколько картинок, рисованных на картонах и сухими колерами; но некоторые из них еще не dokonчены, а другие, боюсь, чтоб не потерялись дорогою, потому что рисовка их весьма нежна. Еще я думаю, что вы мне пришлете к празднику несколько съестных припасов. Вы не знаете, как они были бы мне полезны в этом случае!

Гоголь – родителям, 18 марта 1825 г., из Нежина. Письма, I, 25.

Муж мой болел в продолжение четырех лет, и когда пошла кровь горлом, он поехал в Кибинцы (*поместье Д. П. Троицкого*), чтобы посоветоваться с доктором. Я была тогда на последнем месяце беременности и не могла ехать с ним. Ему очень не хотелось уезжать, и, прощаясь, он сказал, что, может быть, без меня придется умереть, но потом сам испугался и прибавил: «может, долго там пробуду, но постараюсь поскорее вернуться». Я получала от него часто письма; он все беспокоился обо мне. Я не знала, что жизнь его была в опасности, и далека была от мысли потерять его... После родов, на второй неделе, я только начала ходить по комнате и ожидала мужа, чтобы крестить дитя, как вместо мужа приехала жена доктора, акушерка, чтобы по просьбе мужа везти меня к нему. Я очень встревожилась и подумала, что, верно, ему очень худо, если он меня вызывает еще больную. Мы только выехали со двора, как увидели верхового, который подал письмо докторше; она, прочтя письмо, вспыхнула и сказала: «Вернемся! Василий Афанасьевич сам приедет». Когда привезли его тело к церкви, раздался удар колокола. Только на пятый день могли его хоронить, так как многое не было готово. Меня не пускали к нему, пока не внесли в церковь, а то он все был в экипаже. Мне после говорили, что я, увидя его, начала громко говорить к нему и отвечать за него. Тетка не оставляла меня до шести недель и детей мне не показывала. Старшие двое учились, сын – в Нежине.

М. И. Гоголь. Записки. Шенрок. Материалы, I, 54, 56.

После смерти отца мать была убита горем, ничего не хотела есть и довела себя до того, что ее насильно заливали бульоном и не могли раскрыть рта – стиснуты зубы – и ей чем-то разжимали зубы и вливали бульон. При ней тогда были отец и мать, и ничего не могли сделать. Наконец, ее любимая тетка Анна Матвеевна Троицкая, у которой она воспитывалась, – она только могла на нее повлиять. Потом она начала поправляться. Ее развлекали двоюродные братья и сестры, которые постоянно гостили у нас и этим разбаловали ее так, что она только собой была занята. На детей мало обращала внимания.

О. В. Гоголь-Головня. Из семейной хроники, 4.

Я детям не могла писать о нашем несчастье и просила письменно директора в Нежине приготовить к такому удару моего сына; он в таком был горе, что хотел броситься в окно с верхнего этажа.

М. И. Гоголь. Автобиографическая записка. Рус. Арх., 1902, I, 722.

Не беспокойтесь, дражайшая маменька! Я сей удар перенес с твердостью истинного христианина. Правда, я сперва был поражен ужасно сим известием; однако ж не дал никому заметить, что я был опечален. Оставшись же наедине, я предался всей силе безумного отчаяния. Хотел даже посягнуть на жизнь свою, но бог удержал меня от сего; и к вечеру приметил я в себе только печаль, но уже не порывную, которая наконец превратилась в легкую, едва приметную меланхолию, смешанную с чувством благоговения к всевышнему. Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утolenия своей горести. Так, дражайшая маменька, я теперь спокоен, хотя не могу быть счастлив, лишившись лучшего отца, вернейшего друга, всего драгоценного моему сердцу. Но разве я не имею еще чувствительной, нежной, добродетельной матери, которая может мне заменить и отца, и друга, и всего, что есть милее, что есть драгоценнее? Так, я имею вас и еще не оставлен судьбою.

Гоголь – матери, 23 апр. 1825 г., из Нежина. Письма, I, 26.

Я занялась всем по мужской части в поле, потом и письменными делами, считая священной обязанностью сберечь все для детей и улучшать, сколько позволяли способы. При муже я не занималась такими хлопотами, только по дому и детьми; но теперь все обрушилось на мою голову. Может, такие насильные занятия и спасли меня, что время начало уносить мое горе;

имея отраду тогда в моем сыне и необыкновенное здоровье мое, перенеся так много, начала переходить в первобытное состояние.

М. И. Гоголь. Автобиографическая записка. Рус. Арх., 1902, I, 722.

Я вас скоро увижу, и восхищаюсь каждый день сею мыслью, и теперь собираюсь привезти вам какой-нибудь подарок. Но знаю, что вам не может быть подарка лучшего, как привезть вам сердце доброе, пылающее к вам самою нежною любовью... Но смею вам сказать, что я приобрел уже довольно и других качеств, которые, я думаю, вы сами увидите; можно сказать, обработал-таки свои понятия, которые сделались гораздо проницательнее, дальновиднее.

Гоголь – матери, 3 июня 1825 г., из Нежина. Письма, I, 31.

Движимое и недвижимое имение мое, доставшееся по наследству от родителей моих, числящееся за мною и умершим сыном моим (*Василием Афанасьевичем*) в селе Васильевке и местечке Яресках, состоявшее по последней ревизии из 137 душ, со всеми к ним принадлежащими пахотными, сенокосными, лесными землями и со всеми хозяйственными при нем заведениями, сим духовным testamentом записываю и завещаю в вечное и потомственное владение им внукам моим: Николаю, Марии, Анне, Елизавете, Татьяне и Ольге Гоголь-Яновским с тем, что внук мой Николай преимущественно пред сестрами своими должен из всего сего имения получить половину один, сверх того новый дом, к нему принадлежащий сад и лес, называемый Яворивщина, прочее же затем остальное движимое и недвижимое имение поименованные внуки мои должны поделить между собою по равным частям полюбовно...

Двадцатилетнее пребывание в доме моем и в сожительстве с покойным сыном моим невестки моей Марии Ивановны Гоголь-Яновской, известная мне опытность ее в хозяйстве, неограниченная любовь к детям и попечительность ее к образованию ума и сердца сих юных детей питают меня лестною надеждою, что она и еще более посвятит себя на пользу сих юных внучат моих, и потому, не требуя дворянской опеки, утверждаю по смерти ее единственною и безотчетною опекуною сего записанного внукам моим имения...

Объявляю цену сему записанному мною имению 60 тысяч рублей.

Татьяна Семеновна Гоголь-Яновская (урожд. Лизогуб). Духовное завещание 20 июня 1825 г. Чтение в Историч. общ-ве Нестора-летописца, кн. XVI, вып. I–III. Киев. 1902. Отд. III, стр. 43.

Я говорил с профессором живописи о моем предприятии, именно, продолжать писание масляными красками. Он берется на себя доставить некоторые вещи, как-то: кисти и часть красок, остальные могу искупить здесь. Следовательно, деньги пятьдесят рублей должно прислать в начале октября, чтобы не опоздать занятиями... Не знаю, дражайшая маменька, что бы вам сказать о наших происшествиях: нового у нас так мало, примечательного и того менее; притом мы живем теперь совершенно в глуши; никто не посещает наш бедный Нежин, мы совершенно, так сказать, в другом мире, старом и забытом.

Гоголь – матери, 30 сент. 1825 г., из Нежина. Письма, I, 35.

Мне пришло на память одно происшествие из моего детства. Я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево⁷. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окруж-

⁷ Эту картину показывали мне в Васильевке. Она писана клеевыми красками на загрунтованном красным грунтом холсте. Длинною в 1¹/₂, а шириною в один аршин. Представляет она беседку над прудом посреди высоких дерев, между которыми одно с засохшими ветвями. Деревья, как видно, скопированы с чего-нибудь, а беседка сочинена вся или отчасти самим художником. Замечательны в ней решетчатые остроконечные окна. Подобные окна есть и теперь в Васильевке, в небольшом флигельке в саду. П. А. Кулиш, I, 22.

ные соседи. Один из них, взглянувши на картину, покачал головою и сказал: «Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое». В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе.

Гоголь. Арабески, ч. I, «Несколько слов о Пушкине».

Лишась моего мужа, я носила траур из самого грубого, шерстяного изделия платье, что очень огорчало моего сына: ему казалось, что оно было очень жестко и беспокоило меня, хотя я уверяла его, что совершенно не чувствовала его жесткости. Когда он приехал перед рождественскими праздниками домой из Нежина совсем неожиданный, это было рано поутру, и, увидя, что в передней чистили мое одеяние, сказал подать ему ножницы, чтоб изрезать его, прибавя, «тогда маменька наденет и будет носить покойное платье». Ему начали возражать, прибежавшая туда девушка моя уверяла, что у меня нет другого платья, и мне это будет очень неприятно; я, услыша что-то похожее на шум и оставя писать об нем к нашему благодетелю Трощинскому, так как время приближалось к его выпуску, прибежала туда и чрезвычайно была испуганная, увидя его совершенно замерзшего, посиневшего (тогда была жестокая зима). Меня удивило то, что я отправила в назначенное им самим число теплый экипаж, с огромной теплой шубой, теплым одеялом для ног и на вате шляпой. Он бы никогда не был в таком состоянии, как я его увидела, да и не мог бы так скоро сюда приехать по времени. Когда я спросила, что это значило, то он отвечал, что хотел скорее меня видеть, когда их раньше предположенного срока отпустили, наняв жида, и в легкой шубке прискакал; и вместо радости я напустилась на него, как он поступил так неблагоразумно, подвергая здоровье свое опасности. Надобно было его лечить, чтобы спасти от худых последствий. С каким восхищением он всегда ехал домой. И как-то, смотря на меня издали и подойдя, сказал мне: – «Как мы счастливы, что вы еще так молоды и долго проживете с нами». День принялся делать горы для катанья, по вечерам приготовлял марки для бостона, – у нас только для одного стола были, – делая их из картона, и наводил разной краской. И когда где недоставало четвертого, то и он играл. У нас составлялось тогда общество из одних дам и девиц. Он никогда не любил карт, а впоследствии времени и в руки их не брал: всегда писал мне из Нежина, как он веселится, но я знала, что он для того это писал, чтоб и я веселилась, но я была уверена, что он не веселился уже после смерти отца своего.

Мария Ив. Гоголь – С. Т. Аксакову, 3 апреля 1856 г., из Васильевки. Современник, 1913, IV, 248.

Как только от тебя приехал, то уже все было готово. В ту же ночь Симон приехал с подорожной и кибиткой, и если бы не проклятая невзгода, то я вчера совсем бы выехал; теперь же снег посыпал. Приезжай сейчас; позавтракаем у нас, а у вас пообедаем, а на ночь в Кибинцы.

Гоголь – А. С. Данилевскому, в янв. (?) 1826 г. (?), из Васильевки (?). Письма. I, 38.

Поспел сюда вчера благополучно, и спешу уведомить вас, дражайшая маменька. В замедлении моем ничего мне не стоило оправдаться; принят был как самый добрый товарищ. Я теперь почти в совершенной радости, изредка только воспоминание о вас туманит светлое лицо мое, только что недавно видевшее вас.

Гоголь – матери, 17 янв. 1826 г., из Нежина. Письма, I, 39.

У Ив. Семеновича Орлая (*директора гимназии*) было в Полтавской губернии, в Миргородском уезде крошечное имение, при котором было всего шесть душ. Имение это находилось в соседстве с деревней матери Гоголь-Яновского. Кстати замечу, что в гимназии Гоголь, как между товарищами, так и по официальным спискам, – Гоголем не назывался, а просто Яновским. Однажды, уже в Петербурге, один из товарищей при мне спросил Гоголя: «С чего ты это

переменил фамилию?» – «И не думал». – «Да ведь ты Яновский». – «И Гоголь тож». – «Да что значит гоголь?» – «Селезень», – отвечал Гоголь сухо и свернул разговор на другую материю. Я вспомнил и о Гоголе, и о крошечном имении Ивана Семеновича по забавному обстоятельству. Иван Семенович не жаловал, если ученики во время лекций оставляли классы и прогуливались по коридорам, а Гоголь любил эти прогулки, а потому немудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходил из беды сух и всегда одной и тою же проделкой. Завидев Ивана Семеновича издали. Гоголь не прятался, шел прямо к нему навстречу, раскланивался и докладывал: «Ваше превосходительство! Я сейчас получил от матушки письмо. Она поручила засвидетельствовать вашему превосходительству усерднейший поклон и донести, что по вашему имению идет все очень хорошо». – «Душевно благодарю! Будете писать к матушке, не забудьте поклониться и от меня и поблагодарить». Таков был обыкновенный ответ Ивана Семеновича, и Гоголь безнаказанно продолжал свою прогулку по коридорам.

Н. В. Кукольник. Гербель, 195.

Был у нас товарищ Р. (*М. А. Румтер*), – большого роста, чрезвычайно мнительный и легковверный юноша лет восемнадцати. У Р. был свой лакей, старик Семен. Заинтересовала Гоголя чрезмерная мнительность товарища, и он выкинул с ним такую штуку: «Знаешь, Р., давно я наблюдал за тобою и заметил, что у тебя не человечьи, а бычачьи глаза. Но все еще сомневался и не хотел говорить тебе, а теперь вижу, что это несомненная истина: у тебя бычачьи глаза». Подводит Р. несколько раз к зеркалу, тот пристально всматривается, изменяется в лице, дрожит, а Гоголь приводит всевозможные доказательства и наконец совершенно уверяет Р., что у него бычачьи глаза. Дело было к ночи; лег несчастный Р. в постель, не спит, ворочается, тяжело вздыхает, и все представляются ему собственные бычачьи глаза. Ночью вдруг вскакивает с постели, будит лакея и просит зажечь свечу; лакей зажег. – «Видишь, Семен, у меня бычачьи глаза?» Подговоренный Гоголем, лакей отвечает: «И впрямь, барин, у вас бычачьи глаза! Ах, боже мой! Это Н. В. Гоголь сделал такое наваждение!» Р. окончательно упал духом и растерялся. Вдруг поутру суматоха. «Что такое?» – «Р. сошел с ума! Помешался на том, что у него бычачьи глаза!» – «Я еще вчера заметил это», – говорит Гоголь с такою уверенностью, что трудно было не поверить. Бегут и докладывают о несчастье с Р. директору Орлаю; а вслед бежит и сам Р., входит к Орлаю и горько плачет: «Ваше превосходительство. У меня бычачьи глаза!» Ученейший и знаменитейший доктор медицины директор Орлай флегматически нюхает табак и, видя, что Р., действительно, рехнулся на бычачьих глазах, приказал отвести его в больницу. И потащили несчастного Р. в больницу, в которой и пробыл он целую неделю, пока излечился от мнимого сумасшествия.

Т. Г. Пащенко по записи В. Пашкова. Берег, 1880, № 268.

Еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к шутливости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки; вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению.

Гоголь – В. А. Жуковскому, 10 янв. 1848 г. Письма, IV, 136.

В обыденном домашнем быту воспитанники забавлялись шалостями, изобретаемыми Гоголем и другими резвыми мальчиками. Так, напр., однажды Гоголь, передразнивая учителя физики Шапалинского, попался ему на глаза, за что последний, сильно рассердившись, схватил его и долго тряс за плечи. Севрюгин, учитель пения, замечая, что Гоголь иногда фальшивил и не был в состоянии петь в такт с товарищами, приставлял ему скрипку к самому уху, называя его глухарем, что, разумеется, возбуждало общее веселье. Гоголь любил все искусства вообще, любил и петь; но, между тем, как он делал большие успехи в рисовании, пение не давалось ему

благодаря недостатку музыкального слуха. Но в хоре он участвовал, когда во время рекреаций воспитанники пели стихи:

Златые наши дни, теките!
Красуйся ты, наш русский царь!..

Любимых игр у Гоголя не было. Совершенно особенный мир представляла больница, служившая для некоторых воспитанников своего рода клубом. В больнице особенно фигурировал друг Гоголя Высоцкий, который вечно находился там, страдая от болезни глаз. Он сидел обыкновенно с зонтиком. У него с Гоголем было много общего, но Высоцкий был гораздо авторитетнее.

А. С. Данилевский по записи В. И. Шенрока. Материалы, I, 105.

Сходство вкусов сблизило Гоголя и товарища его Г. И. Высоцкого, ибо тот и другой отличались мечтательностью и комизмом. Все юмористические прозвища, под которыми Гоголь упоминает в своих письмах о товарищах, принадлежат Высоцкому. Он имел сильное влияние на первоначальный характер Гоголевых сочинений. Товарищи их обоих, перечитывая «Вечера на хуторе» и «Миргород», на каждом шагу встречают слова, выражения и анекдоты, которыми Высоцкий смешил их еще в гимназии.

П. А. Кулиш. I, 42.

Ни к кому сердце мое так не привязывалось, как к тебе. С первоначального нашего здесь пребывания уже мы поняли друг друга, а глупости людские уже рано сроднили нас; вместе мы осмеивали их и вместе обдумывали план будущей нашей жизни.

Гоголь – Г. И. Высоцкому, 17 янв. 1827 г. Письма, I, 55.

Касательно моего здоровья, смело могу вас уверить, что я еще никогда не был в таком хорошем состоянии, как теперь: весел, радостен. Скучен только в те минуты, когда думаю об разлуке вашей со мною. Но мысль об скором свидании одна только теперь полнит мою душу. Близкие каникулы не выводятся из головы... Хорошая весна была у нас: думаю, теперь можно ожидать изобилия на фрукты. Я давно уже острую на них зубы, и эти каникулы увидят ужасное опустошение в нашем саду. Жаль только, что мне не достанется отведать клубники: отойдет к тому времени.

Гоголь – матери, 14 мая 1826 г., из Нежина. Письма, I, 41.

Прошу вас, чтобы извещать меня обо всем, что вы намерены предпринять и что делается касательно хозяйственного устройства... Особливо извещайте меня касательно построек, новых заведений и проч., и ежели нужно будет фасад и план, то известите меня немедленно, и уже фасад будет непременно хорош, а главное, – издержки будут самые малые. И фасад, и план будет тщательно нарисован и по первой же почте без замедления прислан... Говорил бы вам о своих делах, но совершенно ничего нет, все пусто, и Нежин наш заснул в бездействии.

Гоголь – матери, 20 авг. 1826 г., из Нежина. Письма, I, 45.

Некоторые воспитанники пансиона, скрываясь от начальства, пишут стихи, не показывающие чистой нравственности, и читают их между собою, читают книги, неприличные для их возраста, держат у себя сочинения Александра Пушкина и других подобных.

Н. Г. Белоусов, инспектор, в рапорте от 25 окт. 1826 г. Гербель, 51.

В 1826 году поступили к нам два новые преподавателя, профессор римского и естественного права Белоусов, ученик Шада, и профессор естественной истории Соловьев. Эти молодые ученые обворожили нас совершенным контрастом с нашими наставниками, педантами старого времени.

К. М. Базили. Из неизданных записок. Шенрок. Материалы, I, 381.

Директора у нас нет, и желательно, чтоб совсем не было. Пансион наш теперь на самой лучшей степени образования, до какой Орлай (*бывший директор*) никогда не мог достигнуть: и этому всему причина наш нынешний инспектор (*Н. Г. Белоусов*); ему обязаны мы своим счастьем. Стол, одеяние, внутреннее убранство комнат, заведенный порядок – этого всего вы теперь нигде не сыщете, как только в нашем заведении. Советуйте всем взять сюда детей своих: во всей России они не найдут лучшего. Должность директора исправляет профессор физики и химии Шапалинский.

Гоголь – матери, 16 ноября 1826 г., из Нежина, Письма, I, 52.

Думаю, удивитесь вы успехам моим, которых доказательства лично вручу вам. Сочинений моих вы не узнаете: новый переворот настигнул их. Род их теперь совершенно особенный.

Гоголь – матери, 23 ноября 1826 г., из Нежина. Письма, I, 54.

Теперь только приехал я из дому, где был все праздники... Я здесь совершенно один: почти все оставили меня... Нас теперь весьма мало; но мне до них дела нет; я совершенно позабыл всех. Изредка только здешние происшествия трогают меня; впрочем, я весь с тобою в столице... Пансион у нас теперь в самом лучшем, самом благородном состоянии, и всем этим мы одолжены нашему инспектору Белоусову.

Гоголь – Г. И. Высоцкому, 17 янв. 1827 г., из Нежина в Петербург. Письма, I, 56.

Сего 1827 г. января 29 числа поутру на вторых часах учения я, слышавши необыкновенный стук в зале под аркою, зашел в оную, где нашел работающих плотников и увидел различные театральные приготовления, как-то: кулисы, палатки и возвышенные для сцен особые полы, почему спросил, для чего таковые производятся работы и приготовления; на что мне работники и бывший при том г-н надзиратель Адольф Аман сказали, что это делается для театра, на котором воспитанники пансиона будут представлять разные театральные пьесы. А как таковые театральные представления в учебных заведениях не могут быть допущены без особого дозволения высшего учебного начальства, то... всепокорнейше прошу... донести о сем гг. окружному и почетному попечителям, ежели не имеется от оных на то позволения.

М. В. Билевич, старший профессор гимназии. Прошение в конференцию гимназии высших наук кн. Безбородко, 29 янв. 1827 г.

Резолюция на прошении. Так как от 28 дек. истекшего 1826 г. последовало на мое имя позволение высшего начальства, то сим г-ну проф. Билевичу объявляется о бытности сего позволения.

И. д. директора старший профессор Каз. Шапалинский. Гоголевский сборник, 354.

Я не знаю, когда лучше я проводил время, как не теперь, – даже досажую на скорый полет его! Масленицу мы надеемся провести наилучшим образом. Театр наш готов совершенно, а с ним вместе – сколько удовольствий.

Гоголь – матери, 1 февр. 1827 г., из Нежина. Письма, I, 57.

В пансионе теперь у нас весело. Всевозможные удовольствия, забавы, занятия доставлены нам, и этим мы одолжены нашему инспектору (*Белоусову*). Я не знаю, можно ли достойно выхвалять этого редкого человека! Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями

своими, заступает за нас против притязаний конференции нашей и профессоров-школяров, и признаюсь, если бы не он, то у меня не хватило бы терпения здесь окончить курс: теперь, по крайней мере, могу твердо выдержать эту жестокую пытку, эти четырнадцать месяцев.

Масленую мы провели прекрасно. Четыре дня сряду был у нас театр; играли превосходно все. Все бывшие из посетителей, людей бывалых, говорили, что ни на одном провинциальном театре не удавалось видеть такого прекрасного спектакля. Декорации (четыре перемены) сделаны были мастерски и даже великолепно. Прекрасный ландшафт на занавес довершал прелесть, освещение залы было блистательное. Музыка также отличилась; наших было десять человек, но они приятно заменили большой оркестр и были устроены в самом выходном, в громком месте. Разыграли четыре увертюры Россини, две Моцарта, одну Вебера, одну сочинения Севрюгина (*лицейского учителя пения*) и друг. Пьесы, представленные нами, были следующие: «Недоросль», соч. Фонвизина, «Неудачный примиритель», комедия Я. Княжнина, «Береговое право» Коцебу и вдобавок еще одну французскую, соч. Флориана, и еще не насытились: к светлому празднику заготовляем еще несколько пьес. Эти занятия однако ж много развлекали меня, и я почти позабыл было все грустное; но надолго ли? Пришел пост, а с ним убийственная тоска. Никаких совершенно новостей, ничего любопытного вовсе не случилось.

Гоголь – Г. И. Высоцкому, 19 марта 1827 г., из Нежина. Письма, I, 61.

Ученики жертвовали на театральный гардероб кто что мог. Между прочим, была пожертвована кем-то пара заржавевших и обломанных пистолетов, замечательная по следующему случаю. Однажды, перед самым представлением «Недоросля», Гоголь как-то задел своею шуткою одного из товарищей – Базили. Тот вспыхнул и отказался играть; а он играл роль Стародума. Ну, как без Стародума приступить к представлению? Гоголь сделал вид, что вышел из себя; в страшной мести он вызвал товарища на дуэль и подал ему театральные пистолеты без курков. Базили рассмеялся и стал играть. Начальство гимназии воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанников к изучению французского языка и ввело в репертуар Гоголева театра французские пьесы. Тут-то и Гоголю пришлось познакомиться с французским языком. Русские пьесы, однако ж, не выводились, и предание гласит, что Гоголь особенно отличался в роли старух. Театр, основанный Гоголем в гимназии, процвел наконец до того, что на представления его съезжались и городские жители.

П. А. Кулиш, I, 27.

Нам поставлено было в обязанность каждый раз, когда у нас будут спектакли, непременно и прежде всего сыграть французскую или немецкую пьесу. Гоголь должен был также участвовать в одной из иностранных пьес. Он выбрал немецкую. Я предложил ему роль в двадцать стихов, которая начиналась словами: «O mein Vater!» затем шло изложение какого-то происшествия. Весь рассказ оканчивался словами: «nach Prag!» Гоголь мучился, учил роль усердно, одолел, выучил, знал на трех репетициях, во время самого представления вышел бодро, сказал: «O mein Vater!» – запнулся, покраснел, но тут же собрался с силами, возвысил голос, с особенным пафосом произнес: «nach Prag!» – махнул рукой и ушел. И слушатели, большею частью не знавшие ни пьесы, ни немецкого языка, остались исполнением роли совершенно довольны. Зато в русских пьесах Гоголь был истинно неподражаем, особенно в комедии Фонвизина «Недоросль», в роли г-жи Простаковой; я играл Митрофанушку. Из русских пьес я помню еще представление «Чудаков», комедии Княжнина, «Хлопотуна», Писарева (главную роль – Гоголь); из французских «Medecin malgré lui» и «Avare» Мольера. Мы собирались играть «Фингала»; роли были розданы; даже репетиции по частям начались. Роль Старна назначалась Гоголю, Фингала – мне, Моины – Гинтовту, но уже теперь не помню, что расстроило этот спектакль и весь наш домашний театр.

Н. В. Кукольник. Лицей кн. Безбородко. Изд. гр. Г. А. Кушелева-Безбородко. СПб., 1859. Стр. 21.

В гимназическом театре Данилевский был актрисой, потому что чрезвычайно красивая наружность его заставила кружок товарищей раз навсегда отдать ему женские роли. Так, в «Эдипе в Афинах» Базили играл Эдипа, Данилевский – Антигону; в «Фингале» ему пришлось всегда изображать Моину. Но сценическим дарованием, по собственному откровенному сознанию, Данилевский не отличался вовсе и подвизался на товарищеской сцене больше благодаря охоте и счастливой наружности, хотя неизмеримо уступал Кукольнику и Гоголю, настоящим мастерам дела. Так, в «Недоросле» Гоголь и Кукольник приводили в восторг публику действительно блестящим исполнением: первый отличался в роли Простаковой, тогда как последний превосходно играл Митрофана.

В. И. Шенрок со слов А. С. Данилевского. Материалы, I, 105.

На небольшой сцене второго лицеистского музея лицеисты любили иногда играть по праздникам комические и драматические пьесы. Гоголь и Прокопович, задушевные между собой приятели, особенно заботились об этом и устраивали спектакли. Игнали пьесы и готовые, сочиняли сами лицеисты. Гоголь и Прокопович были главными авторами и исполнителями пьес. Гоголь любил преимущественно комические пьесы и брал роли стариков, а Прокопович трагические. Вот однажды сочинили они пьесу из малороссийского быта, в которой немую роль дряхлого старика малоросса взялся сыграть Гоголь. Настал вечер спектакля, на который съехались многие родные лицеистов и посторонние. Пьеса состояла из двух действий. Гоголь должен был явиться во втором. Публика тогда еще не знала Гоголя, но мы хорошо знали и с нетерпением ожидали выхода его на сцену. Во втором действии представлена на сцене простая малороссийская хата и несколько обнаженных деревьев; вдаль река и пожелтевший камыш. Возле хаты стоит скамеечка; на сцене никого нет. Вот является дряхлый старик в простом кожухе, в бараньей шапке и смазных сапогах. Опираясь на палку, он едва передвигается, доходит кряхтя до скамьи и садится. Сидит, трясется, кряхтит, хихикает и кашляет, да наконец захихикал и закашлял таким удушливым и сильным старческим кашлем, с неожиданным прибавлением, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом. А старик преспокойно поднялся со скамейки и поплелся со сцены, уморивши всех со смеху. Бежит за ширмы инспектор Белоусов: – «Как же это ты, Гоголь? Что же это ты сделал?» – «А как же вы думаете сыграть натурально роль 80-летнего старика? Ведь у него, бедняги, все пружины расслабли, и винты уже не действуют как следует». На такой веский аргумент инспектор и все мы расхохотались и более не спрашивали Гоголя. С этого вечера публика узнала и заинтересовалась Гоголем как замечательным комиком.

В другой раз Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика, страшного скряги. В этой роли Гоголь практиковался более месяца, и главная задача для него состояла в том, чтобы нос сходился с подбородком. По целым часам просиживал он перед зеркалом и пригибал нос к подбородку, пока наконец не достиг желаемого. Сатирическую роль дяди-скряги сыграл он превосходно, морил публику смехом и доставил ей большое удовольствие. Все мы думали тогда, что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный сценический талант и все данные для игры на сцене: мимика, гримировка, переменный голос и полнейшее перерождение в роли, какие он играл. Думается, что Гоголь затмил бы и знаменитых комиков-артистов, если бы вступил на сцену.

Т. Г. Пашенко по записи В. Пашкова. Берег, 1880, № 268.

Театральные представления давались на праздниках. Мы с Гоголем и Романовичем сами рисовали декорации. Одна из рекреационных зал (они назывались у нас музеями) представ-

ляла все удобства для устройства театра. Зрителями были, кроме наших наставников, соседние помещики и военные расположенной в Нежине дивизии. В их числе помню генералов: Дибича (брата фельдмаршала), Столыпина, Эммануеля. Все были в восторге от наших представлений, которые одушевляли мертвенный уездный городок и доставляли некоторое развлечение случайному его обществу. Играли мы трагедии Озерова «Эдип» и «Фингал», водевили, какую-то малороссийскую пьесу, сочиненную тогда же Гоголем⁸, от которой публика надрывалась со смеху. Но удачнее всего давалась у нас комедия фон-Визина «Недоросль». Видал я эту пьесу и в Москве, и в Петербурге, но сохранил всегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний тогда Гоголь. Не менее удачно пятнадцатилетний тогда Нестор Кукольник, худощавый и длинный, играл Недоросля, а Данилевский Софью. Благодаря моей необыкновенной в то время памяти доставались мне самые длинные роли, Стародума, Эдипа и другие.

К. М. Базили. Из неизданных записок. В. И. Шенрок. Материалы, I, 241. Ср. стр. 105.

Вы знаете, какой я охотник до всего радостного. Вы одни только видели, что под видом, иногда для других холодным, угрюмым, таилось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной), и часто, в часы задумчивости, когда другим казался я печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывал науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, как люди, жадные счастья, немедленно убегают его, встретившись с ним. Ежели об чем я теперь думаю, так это все о будущей жизни моей. Во сне и наяву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству. До сих пор я был счастлив; но ежели счастье состоит в том, чтобы быть довольну своим состоянием, то не совсем, – не совсем до вступления в службу, до приобретения, можно сказать, собственного постоянного места.

Гоголь – матери, 26 февр. 1827 г., из Нежина. Письма, I, 58.

В те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те годы, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. Я думал просто, что я выслужусь, и все это доставит служба государственная. От этого страсть служить была у меня в юности очень сильна. Она пребывала неотлучно в моей голове впереди всех моих дел и занятий.

Гоголь. Авторская исповедь.

Я пролежал целую неделю больным, и был болен весьма опасно, даже отчаивался об выздоровлении и теперь только начинаю учиться ходить, падаю от слабости...

Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским (*учитель латинского языка*). Он теперь напечатал свое сочинение под названием «Малороссийская деревня». Этот литературный урод причиною всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из «Малороссийской деревни» и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы, ее заглавия: «Малороссийская деревня» или «Закон дуракам не писан»; комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите конференции и, наконец, видя, что его жалобы худо чествуют, решился униженно и смиренно просить нашей милости и не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его, а особливо не запирать его в канцелярии с майором Шишкиным (*экзекутор гимназии*), как до сего делали.

⁸ Здесь неточность: автор, вероятно, понимает комедию отца Гоголя. *Примеч. В. И. Шенрока.*

Гоголь – Г. И. Высоцкому. 19 марта 1827 г., из Нежина. Письма, I, 63, 65.

Весна приближается, – время самое веселое, когда весело можем провести его. Это напоминает мне времена детства, мою жаркую страсть к садоводству. Это-то время было обширный круг моего действия. Живое помню, как, бывало, с лопатой в руке, глубокомысленно раздумываю над изломанною дорожкой... Признаюсь, я бы желал когда-нибудь быть дома в это время. Я и теперь такой же, как и прежде, жаркий охотник к саду.

Гоголь – матери, 24 марта 1827 г., из Нежина. Письма, I, 67.

Говоря однажды об училищном воспитании, Гоголь вспомнил свою училищную жизнь, в которой особенно благотельным для самого духовного своего развития находил садовые и огородные свои занятия возделыванием земли, рассаживанием и проч. под. Всеми этому, говорил он, много обязан я тем, что еще свежего сохранилось в душе моей.

Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). Три письма к Гоголю. СПб. 1861, стр. 61.

Мой план жизни теперь удивительно строг и точен во всех отношениях; каждая копейка теперь имеет у меня место. Я отказываю себе даже в самых крайних нуждах, с тем чтобы иметь хотя малейшую возможность поддержать себя в таком состоянии, в каком нахожусь, чтобы иметь возможность удовлетворить моей жажде и видеть и чувствовать прекрасное. Для него-то я с трудом величайшим собираю все годовое свое жалование, откладывая малую часть на нужнейшие издержки. За Шиллера, которого я выписал из Лемберга, дал я 40 рублей; деньги, весьма немаловажные по моему состоянию; но я награжден с излишком и теперь несколько часов в день провожу с величайшей приятностью⁹. Не забываю также и русских, и выписываю, что только выходит самого отличного. Разумеется, что я ограничиваюсь одним только чем-либо: в целые полгода я не приобрел более одной книжки, и это меня крушит чрезвычайно. Иногда читаю объявление о выходе в свет творения прекрасного: сильно бьется сердце, – и с тяжким вздохом роняю из рук газетный листок объявления, вспомяв невозможность иметь его. Мечтание достать его смущает сон мой, и в это время получению денег я радуюсь более самого жаркого корыстолюбца. Не знаю, что бы было со мною, ежели бы я еще не мог чувствовать от этого радости: я бы умер от тоски и скуки.

Гоголь – матери, 6 апр. 1827 г., из Нежина. Письма, I, 69.

По-французски Гоголь (*в гимназии*) несколько понимал, но немецкий был для него вовсе недоступен.

В. П. Гаевский со слов И. Г. Кулжинского. Современник, 1852, X. Смесь, 143.

Пансионеры гимназии, как это из ответов их на задаваемые в классе вопросы оказывается, не столько, по-видимому, учением преподаваемых предметов занимаются, сколько выучиванием театральных ролей, которые они на открытом в гимназии театре уже шесть раз для приглашаемых из города зрителей представляли; притом различные пьесы, столько раз уже представленные, конференцией как следует не были рассматриваемы... Без строжайшего рассматривания и выбора пьес публичный театр гимназии вместо какой-либо пользы может принести один только вред... Театральные пьесы, кои, как выше сказано, уже шесть раз разыгрывались при стечении немалой публики, – разыгрывались, как слышно, с какими-то собственными, только неизвестно чьими, дополнениями и прибавлениями.

⁹ Н. Я. Прокопович говорил мне, что у Гоголя скоро не стало терпения добиваться смысла в языке Шиллера, и что это было только минутное увлечение. П. А. Кулиш, I, 37.

П. И. Никольский, старший профессор. Рапорт 16 апр. 1827 г. в конференцию гимназии. Гоголевский сборник, 355–358.

Внезапная кончина (в 1821 году) первого начальника юной гимназии, В. Г. Кукольника, приостановила быстрый и правильный ход ее развития по прямому пути к истинной образованности. Быстро, без разбора, наудачу или по связям, набран был, после В. Г. Кукольника, полк учителей и профессоров для новооткрытого заведения, между которыми только случайно попались и люди достойные. К числу последних принадлежали старший профессор математических и естественных наук К. В. Шапалинский, проф. французской словесности Ландражин, немецкой словесности Зингер, латинской словесности Андрущенко и, определенные впоследствии, проф. римского права Белоусов и проф. естественной истории Соловьев. По закону взаимного притяжения профессора разделились, не скажу на две партии, а на два кружка. К одному принадлежали люди благородные, умные и сведущие, а к другому – их большая или меньшая противоположность. Сперва эти кружки уживались кое-как между собою; но с того времени, когда Белоусов на окончательном экзамене воспитанников первого выпуска, не получив на свои вопросы по юридическим предметам удовлетворительных ответов ни от студентов, ни от профессора юридических наук Билевича, объявил во всеуслышание с запальчивостью и свойственной ему заносчивостью, в присутствии директора Орлая, что он находит недостаточными юридические познания окончивших курс юношей, долго таившаяся вражда между двумя кружками вспыхнула, и между ними началась открытая война. Некоторые из враждующих употребили не совсем рыцарское оружие для поражения своих противников: доносы и клевету.

П. Г. Редкин. Биографический очерк К. В. Шапалинского. Гербель, 316.

...Проходил мимо нас по коридору ученик 8-го класса, пансионер Яновский, который на вопрос мой, почему он не в классе, отвечал, что в 8-м классе учения нет, ибо Белоусов не будет в классе, к сему сказал г. экзекутор Шишкин: вот смотрите, какое неуважение воспитанников к своим наставникам, что не захотел и оставаться (*остановиться?*), когда его спрашивали; я же сказал ему: посему-то и должно детей наставлять и к учтивости приучать, на что он, г. экзекутор, отвечал: что ж мы можем успеть, когда не все так делают, как должно, но что иные наставники часто с учениками, побравшись под руки, по коридору прохаживают и слишком фамилиерно с ними обращаются?

...Равномерно необходимою обязанностью для себя поставляю, как старший профессор юридических наук, сказать, что я заметил у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства, а сие, полагаю, может происходить от заблуждений в основаниях права естественного, которое хотя и предписано преподавать здесь по системе г-на Демартини, но г-н младший профессор Белоусов проходит оное естественное право по своим запискам, следуя в основаниях философии Канта и г-на Шада; для чего покорнейше прошу конференцию гимназии – первое – подтвердить г. мл. профессору юридических наук Белоусову, дабы он непременно руководствовался систематическою книгою г. Демартини в преподавании права естественного, как предписано руководствовать; второе – подтвердить ему же, Белоусову, как инспектору над воспитанниками, а равно и гг. надзирателям и нравонаблюдателям, дабы они имели неослабное смотрение за нравственным поведением воспитанников гимназии вообще.

Старший профессор, надворный советник Михайло, Васильев сын, Билевич. Рапорт в конференцию гимназии 7 мая 1827 г. Гоголевский сборник, 363.

Этот рапорт Билевича имел роковое значение в истории гимназии. Рапортом этим положено было начало пресловутому делу о неблагонамеренном преподавании естественного права и вольнодумстве проф. Белоусова, а затем и некоторых других профессоров. Отсюда пошли расследования, взаимные обвинения профессоров, допросы воспитанников и, в заключение

всего, удаление со службы профессоров Белоусова, Шапалинского, Ландражина, Зингера, а впоследствии еще и Андрущенко. От этой передряги и кутерьмы, тянувшейся более трех лет, заведение пришло в полное расстройство, что и вызвало преобразование его в 1832 г. в физико-математический лицей. В разгар этой истории Гоголь оканчивал курс гимназии высших наук¹⁰.

И. А. Сребницкий. Гоголевский сборник, 364.

В особенно незавидном положении было в то время в нашем лицее изучение русского права, которое нам преподавал Билевич по единственному в то время руководству Кукольника, отца моего товарища и бывшего директором нашего заведения до Орлая. Преподавание заключалось в чтении профессором одной главы, с приказанием выучить. Затем в практическом ведении тяжб между слушателями по заданным профессором темам. Процессы эти представляли некоторый интерес, потому что сам руководитель профессор был, собственно, адвокат того времени, знаток судебных крючков, и учил нас, как выигрывать тяжёлые дела, приводя то тот, то другой указ. Что же касается теории права по руководству, бывало, для сокращения урока обольем заблаговременно жидким клеем два листа книги профессора, потом склеим, и тем избавимся от двух лишних страниц ин-кварти. Помнится, случалось так, что страница оканчивалась словами: «то тех судей...», а следующая после наклеенной начиналась словами: «...сдают в архив». При чтении лекции это озадачило Билевича. Сначала подумал он, что это опечатка, и стал искать опечаток в конце книги, там ничего он не нашел; не теряя присутствия духа, он нам пояснил, что это, должно быть, метафора, а под словом «тех судей» надо понимать: «те судебские дела кладут в архив».

К. М. Базили. Из неизданных записок. Шенрок. Материалы, I, 380.

Профессор Николай Григорьевич Белоусов, в 1825/6 учебном году читал в восьмом классе римское право, а в седьмом – историю того же права; но с наступлением нового, 1826/7 учебного года, именно в тот год, когда и я перешел в седьмой класс, он открыл преподавание естественного права, как курс предварительный и продолжавшийся не более двух месяцев; но эти два месяца были для нас важнее целых годов. С необычайным искусством Николай Григорьевич изложил нам всю историю философии, а с тем вместе и естественного права, в несколько лекций, так что в голове каждого из нас установился прочно стройный систематический скелет науки наук, который каждый из нас мог уже облекать в тело по желанию, способностям и ученым средствам. Не меньшую пользу доставило нам в нравственном отношении и то, что директор Орлай назначил Белоусова нашим инспектором. Справедливость, честность, доступность, добрый совет, в приличных случаях необходимое ободрение – все это благотворительно действовало на студентов. Нет сомнения, что и лекции, и инспекторство Белоусова дали бы студентам еще больше, если бы интриги и внутренние несогласия между профессорами не причинили паралича, разрешившегося тем, что Белоусов в числе других был в 1830 г. удален от должности... Кто из молодых людей, бывших в Нежине под непосредственным его влиянием, поступком или словом подтвердил клевету обвинителей Белоусова, которых, должно сказать правду, он презирал глубоко и не скрывал своего презрения? Убежденный в чистоте своих действий, Белоусов ездил в Петербург; но это не помогло. Белоусов ни с чем возвратился в Нежин, чтобы оттуда направиться в Киев, без надежды когда-нибудь очиститься от взведенных на него обвинений.

Н. В. Кукольник. Биография Н. Г. Белоусова. Гербель. 242.

Из всех наших преподавателей только профессор математики Шапалинский и профессора немецкой и французской литературы, Ландражен и Зингер, совладали со своим предме-

¹⁰ Подробное изложение дела о вольнодумстве профессоров см. в статье Н. А. Лавровского «Гимназия высших наук кн. Безбородко». *Гербель*, 83—109.

том. Летом, бывало, Шапалинский водил нас за город, верст за пять и за десять, с инструментами снимать планы. Любили мы его и учились прилежно; до сей поры засели в моей памяти иные тригонометрические формулы... Французская и немецкая литература были нам не по сердцу, и те из моих товарищей, кто прежде не знал этих языков, не выучились даже говорить, хотя по положению и под страхом остаться без чаю или без десерта следовало в рекреационных залах и во время гуляний говорить день по-французски и день по-немецки.

К. М. Базили. Из неизданных записок. Шенрок. Материалы, I, 91.

Федор Осипович Зингер поступил в гимназию высших наук, в звании младшего профессора немецкой словесности, в июне 1824 г. Ростом был чуть не карлик... Русская литература того времени была проникнута духом Байрона; Чайльд-Гарольдов и Онегиных можно было встречать не только в столицах, но даже у нас в гимназическом саду. Зингер открыл нам новый, живоносный родник истинной поэзии. Любовь к человечеству, составляющая поэтический элемент творений Шиллера, быстро привилась к нам и много способствовала развитию характеров многих. До Зингера на немецких лекциях обыкновенно отдыхали сном послеобеденным. Он умел разогнать эту сонливость увлекательным преподаванием, и не прошло и года, у нового профессора были ученики, переводившие «Дон-Карлоса» и другие драмы Шиллера, а вслед за тем и Гете, и Кернер, и Виланд, и Клопшток, и все классики германской литературы, не исключая даже Жан-Поль-Рихтера, в течение четырех лет были предметом изучения многих учеников Зингера... Федор Осипович снабжал нас и немецкими альманахами; но мы не видали ни одного переплета их. Зингер обертывал их толстой бумагой и до того опечатывал, что никакое искусство не могло проникнуть под эти экономические покровы. Эта снисходительность дорого обошлась ему. Когда между профессорами последовало междоусобие и Зингер пристал, естественно, к стороне, которую считал правильною и чистейшею, при досмотре ученических ящиков найдены были в них многие книги с надписью: «Ex libris F. I. Singeri» — и послужили сильным и решительным противу него обвинением, так что он лишился места и принужден был возвратиться в Германию, что последовало в 1830 г.

Н. В. Кукольник. Биографич. очерк Ф. О. Зингера. Гербель, 261.

Это время я провел немного скучновато: книг со мною не было. Театр наш, покуда, остановлен, и я принужден был, повеся голову, сидеть недвижно на одном месте, перебирая старые свои уроки. Заманивала было меня прекрасная погода весны; сначала было весело, но веселье хорошо, когда делишь, и потом прискучилось. Только мечта об моей радости — об вас высветливается иногда сквозь пасмурные думы.

Гоголь — матери, 17 апр. 1827 г., из Нежина. Письма, I, 71.

Уединясь совершенно от всех, не находя здесь ни одного, с кем бы мог слить долговременные думы свои, кому бы мог выверить мысления свои, я осиротел и сделался чужим в пустом Нежине... Несколько только я разгоняю скучное уединение чтением новых книг, для которых беру деньги, не составляющие для меня ничего, кроме их, и выписывание их составляет одно мое занятие и одну мою корреспонденцию. Никогда еще экзамен не был для меня так несносен, как теперь. Я совершенно весь истомлен, чуть движусь. Не знаю, что со мною будет далее. Только я и надеюсь, что поездкою домой обновлю немного свои силы. Как чувствительно приближение выпуска, а с ним и благодатной свободы! Не знаю, как-то на следующий год я перенесу это время!.. Как тяжело быть зарыту вместе с созданиями низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодовольствия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться... Из них не исключаются и дорогие

наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь в зеркале видишь меня. Пожалей обо мне!..

Какое теперь ужасное у нас плодородие, особливо фруктов! Деревья гнутся, ломаются от тяжести. Я воображаю об необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, приехавши домой. Уже два дни экипаж стоит за мною. С нетерпением лечу освежиться, ожить от мертвого усыпления годичного в Нежине, от ядовитого истомления, вследствие нетерпения и скуки. Возвратясь, начну живее и спокойнее носить иго школьного педантизма, пока уроченное время, со всеми своими мучительными ожиданиями и нетерпением, не предстанет снова истомленному. Какая у нас засуха! Более полтора месяца не шли дожди. Лето вдруг у нас переменялось: сделалось вдруг так холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрам. Весна была нестерпимо жарка.

Позволь еще тебя попросить об одном деле: нельзя ли заказать у вас в Петербурге портному самому лучшему фрак для меня? Узнай, что стоит пошитье самое отличное фрака по последней моде. Мне хочется ужасно как, чтобы к последним числам или к первому ноября я уже получил фрак готовый. Напиши, пожалуйста, какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны. Какой-то у вас модный цвет на фраки? Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами; а черных фраков у меня много, и они мне так надоели, что смотреть на них не хочется.

Гоголь – Г. И. Высоцкому, 26 июня 1827 г., из Нежина в Петербург. Письма, I, 74–80.

(Нижеприводимые воспоминания А. П. Стороженко о Гоголе-гимназисте представляют в подлиннике очень растянутый рассказ с длиннейшими диалогами действующих лиц, явно сочиненными автором впоследствии, по памяти, с почтительным подходом к Гоголю, как к «гению», «лучи» которого он якобы тогда же узрел в «блестящем взоре» Гоголя. Плохая беллетристика, но, может быть, в ядре своем содержащая не менее правды, чем любые другие воспоминания. Приводим рассказ Стороженко в изложении, цитируя лишь наиболее характерные места.)

Автор, только что кончивший курс учения, едет с отцом на именины к соседу, Ив. Фед. Г....у, в «большое местечко, населенное казаками и помещиками». Много гостей. «Я увидел юношу лет 18-ти, в мундире нежинского лицея. Студент с первого взгляда пришелся мне по сердцу. Его лицо, хотя неправильное, но довольно красивое, имело ту могущественную прелесть, какую придает физиономии блестящий взор, одаренный лучом гения. Улыбка его была приветлива, но вместе выражала иронию и насмешку». За обедом они садятся рядом. Гоголь передразнивал поссорившихся за обедом гостей, добавлял к их речам свои слова очень кстати и строил гримасы. «Я хохотал, как помешанный. Отец мой строго на меня поглядывал; но едва я начинал успокаиваться, сосед мой мигнет, скажет словцо, – и я снова предавался истерическому смеху». После обеда отец сделал ему строгий выговор, автор оправдывался, что его смешил студент. «Детские отговорки!» – «Не говорите этого, – заметил старичок в военном сюртуке, – не поверите, какая спичка (заноза) этот скубент: вчера вечером мы животы надрывали, слушая, как он передразнивал почтенного Карла Ивановича, сахаровара Р.....а. Немного путного обещает. Говорят, плохо учится и не уважает своих наставников».

После обеда Гоголь предложил рассказчику отправиться погулять за реку в лес. Чтоб не делать долгих обходов, они перелезли через плетень ближайшего огорода, примыкавшего к реке. Залаяли собаки, молодая женщина с грудным ребенком на руках накинулась на них с бранью: «Вон, курохваты, а то позову чоловика (мужа), так он вам ноги поперебивает, чтоб в другой раз через чужие плетни не лазили. Что вам нужно? Зачем пришли?» – «Нам сказали, – отвечал спокойно Гоголь, – что здесь живет молодича, у которой дитина похожа на поросенка... Да вот оно. Какое сходство! Настоящий поросенок!» Молодича пришла в ярость, стала звать мужа: «Остапе, Остапе!» Подошел мужик с заступом в руках. «Бей их заступом, –

вопила молодлица. Знаешь, что они говорят? Рассказывают, что наша дитина похожа на поросенка!» – «Что ж, может быть, и правда, – отвечал мужик хладнокровно: – Это тебе за то, что ты меня кабаном называешь». Молодлица, бранясь и плюясь, с угрозами ушла в хату. Остап указал путникам дорожку, по которой можно было пройти к реке, и предупредил, чтобы, идя мимо хаты, они не задирали его жены: «Теперь и без того мне будет с нею возни на целую неделю». – «Если мы и увидимся, – сказал Гоголь улыбаясь, – то помиримся». – «Нет, вы не знаете моей жинки: станете мириться – еще хуже разбесите!» Школьники пошли по указанной дорожке. У дверей хаты стояла жена Остапа с ребенком на левой руке и с толстой палкой в правой. Гоголь повернулся к ней. «Не подходи! – закричала молодлица, замахиваясь палкою. – Ей-богу, ударю!» – «Бессовестная, бога ты не боишься! – говорил Гоголь подходя к ней и не обращая внимания на ее угрозы: – Ну, скажи на милость, как тебе не грех думать, что твой дитина похож на поросенка?» – «Зачем же ты это говорил?» – «Дура! Шуток не понимаешь, а еще хотела, чтоб Остап заступом проломил нам головы... Ну, полно, не к лицу такой красивой молодлице сердиться. Славный у тебя хлопчик, знатный из него выйдет писарчук; когда вырастет, громада выберет его в головы». Гоголь погладил по голове ребенка. «Не выберут, – отвечала молодлица, смягчаясь, – мы бедны, а в головы выбирают только богатых». – «Ну, так в москали (в солдаты) возьмут. В унтера произведут, приедет до тебя в отпуск в крестах, таким молодцом, что все село будет снимать шапки, а как пойдет по улице да брякнет шпорами, сабелькой, так дивчата будут глядеть на него да облизываться. Чей это, спросят, служивый?.. «Как тебя зовут?» – «Мартой!» – «Мартин, скажут, да и молодец же какой, точно намалеванный! А потом не придет уже, а придет к тебе тройкой, в кибитке, офицером, и всякого богатства с собой навезет и гостинцев». – «Что это вы выгадываете, можно ли?» – «А почему нет? Мало ли теперь из унтеров выслуживаются в офицеры!» – «Да, конечно; вот Оксанин пятый год уже офицером, и Петров также, чуть ли не городничим поставили его в Лохвицу». – «Вот и твоего также поставят городничим в Ромен. Тогда-то заживешь! В каком будешь почете, оденут тебя, как пани». – «Полно вам выгадывать неподобное!» – вскричала молодлица, радостно захохотав. Тут Гоголь с необыкновенною привлекательностью начал описывать привольное ее житье в Ромнах: как квартальные будут перед нею расталкивать народ, когда она войдет в церковь, как купцы будут угощать ее и подносить варенуху на серебряном подносе, низко кланяясь и величая сударыней-матушкой; как во время ярмарки она будет ходить по лавкам и брать на выбор, как из собственного сундука, разные товары бесплатно; как сын ее женится на богатой панночке, и тому подобное. Молодлица слушала Гоголя с напряженным вниманием, ловила каждое его слово. «Бедный мой Аверко! – восклицала она, нежно прижимая дитя к груди: – Смеются над нами, смеются!» Аверко пристально смотрел на Гоголя и, когда он кончил, подал ему свой недоеденный пирог, сказав отрывисто: «На!» – «Вот что значит казак! – сказал Гоголь. – Еще на руках, а уже разумней своей матери; а ты еще хочешь верховодить над мужем и сердилась на него за то, что он нам костей не переломал!» – «Простите, паночку! – отвечала молодлица, низко кланяясь, – я не знала, что вы такие добрые панычи. Конечно, жена всегда глупее чоловіка и должна слушать и повиноваться ему, – так и в святом писании написано». Подошел Остап. «Третий год женат, – сказал он, с удивлением посматривая на Гоголя, – и впервые пришлось услышать от жены разумное слово. Нет, панычу, воля ваша, а что-то не простое: я шел сюда и боялся, чтоб она вам носов не откусила, аж, смотрю, вы ее в ягничку (овечку) обернули. Не простое, ей-ей, не простое. Просто чаровник (чародей)!» Я также разделял мнение Остапа: искусство, с которым Гоголь укротил взбешенную женщину, казалось мне невероятным; в его юные лета еще невозможно было проникать в сердце человеческое до того, чтоб играть им, как мячиком; но Гоголь бессознательно, силою своего гения, постигал уже тайные изгибы сердца. «Послушай, Остапе, что паныч рассказывает, – сказала Марта. – Расскажите же, паночку, Остапе, послушай!» – «После расскажу, – отвечал Гоголь, – а теперь научите, как нам переправиться через реку». – «Я попрошу у Кондрата челнок!» – сказала

Марта и, передав дитя мужу, побежала в соседнюю хату. Мы не успели дойти до реки, как Марта догнала нас, с веслом в руке.

На челноке переехали реку. Лежали в лесу, разговаривали. «Долго ли еще вам оставаться в лицее?» – спросил я. «Еще год!» – со вздохом ответил Гоголь. «А потом?» – «Потом в Петербург, в Петербург! Туда стремится душа моя!» – «Что вы, в гражданскую или в военную думаете вступить?» – «Что вам сказать? В гражданскую у меня нет охоты, а в военную – храбрости». – «Куда-нибудь да надо же; нельзя не служить». – «Конечно, но...» – «Что?» Гоголь молчал.

К вечеру возвратились обратно. Опять встретили Остапа и Марту. Остап пустился в рассуждения, острил над женой и рассказывал смешные анекдоты, как жены обманывают мужей. Гоголь, со вниманием слушавший Остапа, хохотал, бил в ладони, топал ногами; иногда вынимал из кармана карандаш и бумагу и записывал некоторые слова и поговорки. Наконец я почти насильно увлек его.

После чаю играли в фанты. Гоголь не сумел отделаться и также участвовал в игре. Он был очень неразвязен, неловко краснел, конфузился, по целому часу отыскивал колечко, не мог поймать мышки и, наконец, выведенный из терпения неудачами и насмешками, отказался от игры прежде ее окончания.

Утром я застал Гоголя в саду пишущим. Гоголь сознался, что писал стихи. Я попросил прочесть. Настойчивость моя пересилила застенчивость Гоголя. Он стал читать. «Охота вам писать стихи, – сказал я, когда он кончил. – Что вы, хотите тягаться с Пушкиным! Пишите лучше прозой». – «Пишут не потому, чтоб тягаться с кем бы то ни было, но потому, что душа жаждет излиться ощущениями. Впрочем, не робей, воробей, дерись с орлом». Я хотел было также отвечать пословицей: «дай бог нашему теляти волка поймать», но Гоголь продолжал: «Да! Не робей, воробей, дерись с орлом!»

А. П. Стороженко. Воспоминание. Отеч. Записки, 1859, № 4, стр. 71–84.

(Лето 1827 г.) Бывало, мы путешествуем даже до мельниц и приходим к вечеру, истомленные, на чай или на богатую коллекцию дынь. Чаще всего я вспоминаю, когда после ужина отправляемся на ночлег по нашей шаткой лестнице в возвышенное наше обиталище.

Гоголь – дяде своему Пав. П. Косяровскому, 3 окт. 1827 г., из Нежина. Письма, I, 91.

Приехал я сюда в Нежин 18 сент. ввечеру поздно невредимо и благополучно. В последний только день верст за тридцать от Нежина обдало холодным дождем, но с помощью моей пространной брыки я ускользнул-таки от него и теперь укоренился в свое местопребывание с новою твердостью, с новою силою, крепостью к своим занятиям, с осветившимся воспоминанием вашей любви, вашего нежного материнского обо мне попечения... Мне здесь очень весело, особливо когда оканчиваю на время свои занятия, которые также приносят мне удовольствие неизъяснимое.

Гоголь – матери, 19 сент. 1827 г., из Нежина. Письма, I, 86.

Как теперь вижу этого белокурого мальчика в сером суконном сюртучке, с длинными волосами, редко расчесанными, молчаливого, как будто затаившего что-то в своей душе, с ленивым взглядом, с довольно неуклюжею походкою, и никогда не знавшего латинского урока. Он учился у меня три года (латинскому языку) и ничему не научился, как только переводить первый параграф из хрестоматии при латинской грамматике Кошанского: *Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram*. Не один он был такой ленивый к латинскому языку; было еще несколько таких, и каждого из них я иначе не звал, как – *Universus mundus*. – «Ну-тка ты, *Universus mundus*, скажи свой урок!» Мог ли я тогда думать, что этот белокурый молодой *Universus mundus* будет нашим первоклассным писателем? Во время лек-

ций Гоголь всегда, бывало, под скамьею держит какую-нибудь книгу, не обращая внимания ни на соelum, ни на terram. Принудительных средств у меня не было никаких, кроме аттестации в месячных ведомостях. Я писал нули да единицы, а гоголь три года все оставался на латинском синтаксисе и дальше Корнелия Непота не заехал в латинскую словесность – с этим и кончил курс.

Надобно признаться, что не только у меня, но и у других товарищей моих он, право, ничему не научился. Школа приучила его только к некоторой логической формальности и последовательности понятий и мыслей, а более ничем он нам не обязан. Это был талант, не узанный школою и, ежели правду сказать, не хотевший или не умевший признаться школе. Между тогдашними наставниками Гоголя были такие, которые могли бы приглубить и прилеять этот талант, но он никому не сказался своим настоящим именем. Гоголя знали только как ленивого, хотя, по-видимому, не бездарного юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанию. Жаль, что не угадали его. А кто знает? Может быть, и к лучшему.

Вот что достойно замечания: будучи ленивцем. Гоголь в то же время был самым благонаправленным юношей и вел себя всегда благородно. Хотя вообще уже принято в школах: ставя ученику худой шар за учение, вместе с тем уменьшать шары и в поведении. Но Гоголь был в этом случае исключением: единица или даже нуль в учении и пятерка в поведении! Живое я помню представление «Недоросля». На гимназическом театре Гоголь играл Еремеевну; хохотали до слез.

И. Г. Кулжинский. Воспоминания учителя. Москвитянин, 1854, № 21, кн. I. Смесь, стр. 5–6.

Гоголь очень плохо учился; хотя кончил курс нежинской гимназии, но в ней ничему, даже правописанию русскому, не хотел научиться; не знал языков, и так выступил на поприще русской литературы... В Гоголе, еще с отроческих лет, было уже заметно расположение к авторству, известная школьная болезнь, *pruritus scribendi*. Как теперь вижу этого белокурого, кудрявого мальчика, в сером гимназическом сертучке, пробирающегося в латинском классе на отдаленную, заднюю скамейку, чтобы там под шум и говор переводов из латинской хрестоматии свободно читать какой-нибудь литературный журнал или альманах или же строчить какую-нибудь карикатуру.

И. Г. Кулжинский. Заметка о Гоголе и Шевченко. Газета «Русский», 1868, № 127.

От Гоголя менее всего можно было ожидать такой известности, какою он пользуется в нашей литературе. Это была *terra rudis et inculta* (почва невозделанная и необработанная). Чтоб грамматикальным образом оценить познания Гоголя при выпуске из гимназии, я не обинуясь могу сказать, что он тогда не знал спряжений глаголов ни на одном языке.

И. Г. Кулжинский. Автобиография. Гербель, 271.

В числе странностей Гоголя было много его своеобразных взглядов на все то, что общество признавало для себя законом. Это Гоголь игнорировал, называл недостойным делом, от которого надо было бежать и избавлять себя, как врага, мечом мысли. В церкви, напр., Гоголь никогда не крестился перед образами св. отцов наших и не клал перед алтарем поклонов, но молитвы слушал со вниманием, иногда даже повторял их нараспев, как бы служа сам себе отдельную литургию. Дьячков он осуждал за гнусавость пения, невнятность чтения псалтыря и за скороговорку великопостной службы. Не одобрял он также степеней и градаций в церкви и толкал мужика вперед, говоря: «Тебе бог нужнее, чем другим, иди к нему ближе!» Нередко он обращался к мужику в церкви с вопросом: «Есть ли у тебя деньги на свечку?» – сейчас же вынимал из кармана монету и отдавал ее мужику, говоря: «На, поди, поставь свечку, кому ты желаешь, да сам поставь; это лучше, чем кто другой за тебя поставит». Гоголь торжествовал,

что его цель была достигнута, и мужик подошел к алтарю, опередив все мундиры, стоящие перед амвоном. Ему только того и нужно было, чтобы мужик потерся своим зипуном о блестящие мундиры и попачкал их своей пылью.

Однажды Гоголь, недовольный пением дьячков, зашел на клирос и стал подпевать обедню, ясно произнося слова молитв, но священник, услышавший незнакомый ему голос, выглянул из алтаря и, увидев Гоголя, велел ему удалиться. Это страшно разобидело Гоголя, и он перестал ходить в церковь. Замечая его отсутствие за обедней, священник прочел ему нотацию и сказал, что если он и впредь не будет посещать храма божья, то наложит на него эпитимию. Но Гоголь этого не устрасился и по-прежнему на обедню не ходил. Эпитимию же он также не пожелал выполнять в церкви в присутствии всех молящихся и постоянно отсылался больным. За это ему в «поведении» была поставлена единица, и он над нею посмеялся в следующих словах: «Хорошо, что не двойка; единицу-то хоть можно принять за туза, а двойка так и останется двойкой».

Вообще Гоголь отличался всякими странностями, даже и в словах. На деле же он иногда превосходил самого себя. Забывая часто, что он человек, Гоголь, бывало, то кричит козлом, ходя у себя по комнате, то поет петухом среди ночи, то хрюкает свиньей, забравшись куда-нибудь в темный угол. И когда его спрашивали, почему он подражает крикам животных, то он отвечал, что «я предпочитаю быть один в обществе свиней, чем среди людей». Такое отрицание было у него к обмену мыслей между людьми. Так, он не любил нас, детей аристократов, будучи сам демократом.

Вообще Гоголь не любил подражать кому бы то ни было, ибо это была натура противоречий. Все, что казалось людям изящным, приличным, ему, напротив, представлялось безобразным, гривуазным. В обиходе своем он не любил симметрии, расставлял в комнате мебель не так, как у всех, напр., по стенам, у столов, а в углах и посередине комнаты; столы же ставил у печки и у кровати, точно в лазарете. Ходил он по улицам или по аллеям сада обыкновенно левой стороной, постоянно сталкиваясь с прохожими. Ему посылали вслед: «Невежа!» Но Гоголь обыкновенно этого не слышал, и всякие оскорбления для себя считал недостижимыми, говоря: «Грязное к чистому не пристанет. Вот если бы я вас мазнул чем-нибудь, ну, тогда было бы, пожалуй, чувствительно». Прогуливаясь как-то по аллеям лицейского сада левой стороной, Гоголь толкнул плечом одного из воспитанников, за что тот сказал ему: «Дурак!» – «Ну, ты умный, – ответил Гоголь, – и оба мы соврали». Вообще он, бывая в обществе, ходил с опущенной головой и ни на кого не глядел. Это придавало ему вид человека, глубоко занятого чем-нибудь, или сурового субъекта, пренебрегавшего всеми людьми. Но в общем он вовсе не был зол. Так, он никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, что мог, и всегда говорил ему: «Извините», если нечего было вложить тому в руку.

Гоголь любил ботанику. И всегда, когда у него была свободная минута, он отправлялся в лицейский сад и там подолгу беседовал с садовником о предметах его задач. «Ты рассаживай деревья не по ранжиру, как войска в строю, один подле другого на рассчитанном расстоянии, а так, как сама природа это делает», – говорил он. И, взяв в руку несколько камешков, он бросал их на поляну, добавляя притом: «Вот тут и сажай деревцо, где камень упал».

Гоголь часто не договаривал того, что хотел сказать, опасаясь, что ему не поверят и что его истина останется непринятой. Из-за этого он получил прозвище «мертвой мысли», т. е. человека, с которым умрет все, что он создал, что думал, ибо он никогда не изрекал ни перед кем того, что мыслил. Скрытность эта сделала Гоголя застенчивым, молчаливым. Гоголь был молчалив даже в случаях его оскорбления. «Отвечать на оскорбление? – говорил он. – Да кто это может сказать, что я его принял? Я считаю себя выше всяких оскорблений, не считаю себя заслуживающим оскорбления, а потому и не принимаю его на себя». Замкнутость в нем доходила до высшей степени. Кто другой мог бы перенести столько насмешек, сколько переносил их от нас Гоголь? Безропотно он также переносил и все выговоры начальства, касавшиеся его

неряшества. Например, ему многократно ставилась на вид его бесприческа. Растрепанность головы Гоголя вошла у нас в общую насмешку. Голова у него едва ли когда причесывалась им; волосы с нее падали ему на лицо нерасчесанными прядями. Стричься он также не любил часто, как этого требовало от нас школьное начальство. Вообще Гоголь шел наперекор всем стихиям. Заставить его сделать что-нибудь такое, что делали другие воспитанники, было никак нельзя. «Что я за попугай! – говорил он. – Я сам знаю, что мне нужно». Его оставляли в покое, «с предупреждением впредь этого не делать». Но он всегда делал так, как хотел.

Над чем другим Гоголь, может быть, и работал в школе наравне с нами, но над своей разговорной речью он поставил крест. И такое, бывало, словечко скажет, что над ним весь класс в голос рассмеется. Однажды ему это было поставлено на вид одним из наших преподавателей, но Гоголь ему на это ответил: «А чем вы докажете, что я по-своему неправильно говорю?»

В. И. Любич-Романович по записи С. И. Глебова. Ист. Вестник, 1902, февр., 554–559.

Я был комнатным надзирателем при нежинском лицее, но главною моею обязанностью было говорить всегда со студентами по-французски, обучать их этому языку более практически. В числе студентов был и Гоголь. Он был очень ленив; плохо занимался по всем предметам, пренебрегал изучением языков, особенно по моему предмету учился плохо; поведения же он был прекрасного; смирнее его не было, хотя товарищи часто жаловались на него: он всех копировал, передразнивал, клеймил прозвищами; но характера был доброго и делал это не из желания обидеть, а так, по страсти... Гоголь любил страстно рисование, литературу, но было бы слишком смешно думать, что Гоголь будет Гоголем. Меня перевели в Одесский учебный округ, и я потерял из виду своих воспитанников... Слышу часто в разговорах; Гоголь, Гоголь... Странно, не может быть! Нет, фамилия знакома: один Гоголь был моим учеником. Я уверился, что Гоголь действительно кончил в нежинском лицее. Странно, право, странно!

П. (Перион?) по записи В. Негрескула. Биографич. заметки. Москов. ведомости, 1853, № 71, стр. 729.

В школе Гоголь мало выдавался, разве под конец, когда он был нашим редактором лицейского журнала. Сначала он писал стихи и думал, что поэзия его призвание. Мы выписывали с ним и с Прокоповичем журналы, альманахи. Он заботился всегда о своевременной высылке денег. Мы собирались втроем и читали «Онегина» Пушкина, который тогда выходил по главам. Гоголь уже тогда восхищался Пушкиным. Это была тогда еще контрабанда; для нашего профессора словесности Никольского даже Державин был новый человек. Гоголь отлично копировал Никольского. Вообще Гоголь удивительно воспроизводил те черты, которые мы не замечали, но которые были чрезвычайно характерны. Он был превосходный актер. Если бы он поступил на сцену, он был бы Щепкиным. В Нежине товарищи его любили, но называли: таинственный карла. Он относился к товарищам саркастически, любил посмеяться и давал прозвища. Сам он долго казался заурядным мальчиком. Он был болезненный ребенок. Лицо его было какое-то прозрачное. Он сильно страдал от золотухи; из ушей у него текло... Над ним много смеялись, трунили. Но перед окончанием курса его заметил и стал отличать профессор Белоусов, которого он, в свою очередь, весьма уважал и любил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.